

***ТРАДИЦИОННЫЕ
РЕМЕСЛА
И ПРОМЫСЛЫ***

А.И. Скворцов

Народное зодчество

Крестьянское строительство в Гороховецком крае издревле было традиционным. По своему типологическому своеобразию оно относится к Поволжской этнографической зоне. Это вполне естественно, поскольку земли его непосредственно прилегают к нижегородскому Поволжью.

Наиболее яркие страницы в летопись деревянного зодчества Гороховецкого края вписали местные плотники, которые вошли в историю под именем «якушей» — по названию одного из сел уезда. В прошлом слава этих талантливых умельцев была настолько громкой, что Владимир Иванович Даль включил их в свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», где они значатся как «долбежники, плотники, резчики для резки украс на избы и на суда»¹.

Корни этого промысла уходят в глубину времен. Одно из древних архивных свидетельств середины XVII в. содержит упоминание о плотниках села Нижний Ландех, вотчины князей Пожарских, в другом документе, составленном сто лет спустя, повествуется о том, что здешних плотников князя Ромодановские посылали на строительство в Петербург.

Работали якуши небольшими артелями, по четыре-пять человек, преимущественно в своей округе или в соседних уездах Нижегородской губернии, добираясь до Волги. Труд был сезонным. На работы расходились по весне.

Одно из первых письменных упоминаний о местных плотниках мы находим в записках известного русского путешественника начала XIX столетия Д. Шелехова. «Архитектура изб, — писал он, — необыкновенная... Над каждым домом возвышается светелка, как игрушечка, с затейливой резьбой, с колонками, с полукруглыми над карнизом окошками, со стрелами, из которых многие раскрашены, а другие и вызолочены. С давних времен укоренилось здесь искусство плотническое. Оно переходит из рода в род»².

Гороховецкий уезд стоял на первом месте во Владимирской губернии по площади, занимаемой лесами, поэтому плотничество было главным промыслом мужского населения. Сложилась даже поговорка: «Кабы не было топора, так топиться давно пора». Мастерство якушей ценилось довольно высоко. В конце XVIII в. бурмистр одной из гороховецких волостей представлял их следующим образом: «Если где они подрываются будут как в казенные, так и в партикулярные работы плотничать, то подрывать без опасения, потому что они плотничному мастерству знающие и верить им в задаток до 400 рублей»³.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 676.

² Шелехов Д. Путешествие по русским проселочным дорогам // Библиотека для чтения. СПб., 1842. Т. 32. С. 30—31.

³ Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО), ф. 19, оп. 3, д — 342, л. 7 об.

*Жилой дом в д. Малые Лужки. Середина XIX в.**

Жилой дом в д. Большие Лужки. 1-я половина XIX в.

Жилой дом в д. Гаврилищи бывшего Гороховецкого уезда. Середина XIX в.

* Фотографии выполнены автором.

В основе планировки старого крестьянского жилища, которое еще можно увидеть в наши дни, лежит древняя русская структура дома, включающая в себя избу, сени и клеть.

Деревянные срубы ставились, как правило, на подклет. Он мог быть небольшим, когда до подоконка насчитывалось от четырех до шести венцов, и высоким — от девяти до одиннадцати венцов. Подклет использовался преимущественно под хозяйственные цели. Для одноэтажного трехкамерного сруба («изба — сени — клеть») служил невысокий подклет. Интерьеры такого жилища и сегодня сохраняют некоторые традиционные элементы: встроенные лавки, полы, «коники», «красный угол со столом», русские печи. Последние, как правило, располагались справа или слева при входе в избу. Двухэтажный сруб ставился на более высокий подклет. Он также имел трехкамерную структуру. Первый этаж представлял собой трехчастную связь, состоящую из избы, моста и клети («омшанника»), а второй — из избы, моста и горницы. Русская печь с «бабьим кутом» в таком доме располагалась на первом этаже.

Клети срубов перекрывались общей двускатной тесовой кровлей с большим выносом. Такой же кровлей, реже односкатной, перекрывался двор. Его располагали слева или справа от дома, иногда сзади. Поблизости от дома размещались все необходимые хозяйственные постройки (баня, колодец, погреб, амбар и др.). По фасаду дома чаще всего делали три окна, реже — два или пять. В XIX в. в связи с усовер-

шенствованием строительного дела древние «волоковые» окна стали заменяться на «косячатые», а «раздвижные» рамы — на «распашные».

Еще и сегодня в гороховецких селах можно встретить древний тип жилища. Дом с фасадом, сплошь рубленным из бревен, включая и фронтон, и покрытие по слегам с «курицами» — своеобразными крюками из корневища дерева в форме головы птицы, поддерживающими «поток», который выдалбливался из цельного бревна и служил для отвода воды с крыши. Про такие дома известный владимирский краевед XIX в. И.А. Гольшев писал, что они «шеголяли затейливостью резьбы, резными коньками, карнизами, деталями, поясами, подзорами и всякого рода обломами; спуски с крыш делались с двумя концами со сквозными решетками в виде прежних вышитых русских полотенец»⁴.

Декоративное убранство подобной избы было логическим продолжением всей конструктивной системы постройки. Отдельные элементы декора выполняли наряду с художественными вполне утилитарные функции. «Охлупень» в виде головы птицы или коня, венчавший конек дома, прижимал концы тесин к «князевой слеге»; загнутые концы «куриц» поддерживали водотечник; «причелины», имевшие форму широкой толстой доски, оберегали торцы выступавших наружу слег от загнивания; «полотенца», спускавшиеся

⁴ Гольшев И.А. Памятники старинной русской резьбы по дереву. Мстера, 1877. С. 2.

Жилой дом в д. Лучинки. 1860-е годы.

Амбар в д. Гаврилици бывшего Гороховецкого уезда. Середина XIX в.

Колесный колодец в д. Мокеево. Середина XIX в.

вниз по бокам фронтона, предохраняли венцы сруба, так называемый «повал», на котором покоился фронтон дома; «огниво» скрепляло «гнеты», то есть толстые брусья на обеих сторонах ската кровли. Само содержание скромной домовой резьбы, которой украшались немногие детали, выполняло в этом случае вполне определенный «практический» смысл, рожденный верованиями крестьянина-земледедца. Круг или розетка символизировали собой солнечный диск, а спирали и волнистые зубчики являлись знаками охранения. «Солнышко» старались запечатлеть на наличниках окон, на причелинах и полотенцах, полагая, что тем самым надежно оберегают свое жилище.

Традиционным было украшение крыши дома изображением коня или птицы, которые тоже служили защитой жилища от враждебных человеку сил, поскольку олицетворяли солнечное божество. По этому поводу И.А. Гольшев писал: «...привычка украшать вершины крыш конскими головами ведет свое начало от язычества, этим желали оказать почесть богу неба и вымолить от него дарование дождя и солнца»⁵.

Образный строй такой резьбы глубоко фольклорен. В ней всё проникнуто значимостью и наполнено смыслом. Из глубокой старины ведет свое начало народное поэтическое сравнение декоративных деталей дома с названиями предметов крестьянского быта, украшений народной одежды, то есть с тем, что было дорого человеку. Фронтон дома нередко называется челом, его обрамлением служит «причелина»; спуски с крыш, «полотенца», называются «сережками»; наличники окон сравнивают с кокошником — красивым женским головным убором; резные доски, располагающиеся по свесам крыш, называют «подзорами», а «ветреницы», закрывающие сверху стык двух причелин, вырезают в виде кисти руки.

Русский этнограф Г.К. Завойко, исследуя крестьянский быт в селениях Гороховецкого уезда, отмечал: «Наружный вид более древних домов резко разнится от домов позднейших... Дома украшали обыкновенно дорогой и красивой резьбой "по телу"... На карнизах и косицах изображались разные "морские коты" — фантастические жи-

вотные, похожие на львов; "фараоны" — человекообразные фигуры с рыбьим хвостом, "коневы головы" и прочее; значительная доля, кроме того, оставалась для разнообразного растительного и геометрического орнамента...»⁶.

Постепенно в первой половине XIX в. в гороховецком крестьянском зодчестве сложился новый оригинальный стиль резьбы, получивший название «глухой» рельефной, или «корабельной», рези, так как впервые она появилась при украшении речных судов — барок, гусянок, белян, мокшан, расшив, тезянок, в большом количестве изготовляв-

Жилой дом в д. Мордвиново бывшего Гороховецкого уезда. Фрагмент. 1860-е годы.

⁵ Гольшев И.А. Указ. соч. С. 2.

⁶ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1914. № 3—4. С. 174—175.

шихся на Волге и ее притоках. Во Владимирской губернии такие суда делались на Оке, Клязьме, Тезе. Но впоследствии, когда пароходство запретило резьбу на судах, резчики полностью перешли на украшение деревенских изб.

В это время на искусство резчиков оказали большое влияние такие архитектурные стили, как барокко и классицизм. Но все заимствования перевоплощались в совершенно оригинальных вариантах, с соблюдением традиций народного творчества. Резные фигуры чудовищных драконов, например, как будто сошли со страниц русских сказок о Змее Горыныче. Львы, изображения которых размещались на лобовых досках карниза и ворот, призваны были охранять дом от врагов и играли роль «оберега». Такая же роль отводилась русалкам, их называли «берегинями». Эти и многие другие образы «глухой» резьбы необычайно поэтичны. В них серьезное постоянно переплеталось со здоровым юмором и шуткой, что весьма характерно для народного творчества. Львы часто наделяются чертами добродушных домашних животных, и тогда их уже называют в народе котами. Русалок иногда одевают в русские телогреи, а в рот вставляют курительную трубку — и вот уже из бывшей «берегини» получается смешная «фа-раонка». Неожиданной трансформации подвергаются городские заимствования. Так, изящная классическая ваза с цветами («вазон») получает форму крестьянской плошки или горшка, а классическая розетка превращается в распутившийся подсолнух.

Очень часто в свою резьбу якуши вводили точеные детали, поскольку здесь издавна был развит промысел по изготовлению токарных изделий: веретен, кеглей, балясин, церковных киотов, мебели, посуды и т.д. Точеными делались балясины лестниц, крылец, парапетов, а также колонки светелок, пилястр, наличников и многие другие детали. Своеобразное перетекание художественных навыков плотницкого дела якушей из одного вида резьбы в другой происходило постоянно.

Изменение внешнего вида крестьянских домов в этом крае было связано с изменением приемов строительства, и в первую очередь — с заменой «самцовой» конструкции дома легкой стропильной, в результате чего на фасаде появился декоративный фриз, а затем резной карниз городского типа, разделивший фасад на две части — бревенчатый сруб и дощатый фронтон.

Вплоть до середины XIX в. местные плотники крайне редко пользовались пилами. В строительстве применялись преимущественно тесаные доски, которые изготовлялись путем раскалывания бревен клиньями и топором. Позднее, употребляя продольные и лучковые пилы, а также коловорот, плотники стали пропиливать тонкую доску насквозь по заранее нанесенному на нее рисунку. Так появился новый вид декоративного убранства дома — пропиленная резьба. Широкое использование в строительстве железных гвоздей повлекло за собой появление накладных декоративных украшений. Причелины, подзоры, наличники и другие детали стали приобретать многоступенча-

Фрагмент «лобовой доски» жилого дома в д. Мордвиново бывшего Гороховецкого уезда. 1860-е годы.

тый характер, что в сочетании с ажурной пропильной резьбой придало дому еще более узорчатый вид.

Основой гороховецкой резьбы является орнамент, мотивы которого очень разнообразны. Условно их можно подразделить на геометрические, растительные, зооморфные и антропоморфные.

Один из основных элементов геометрического орнамента пропильной резьбы — розетка — представляет собой солярный знак. Это рельеф в виде лучистого круга или его части (половины, четверти), который занимает место на наиболее важных участках фасада дома, как бы продолжая выполнять охранительную функцию. Очень близок к розетке круг, в который вписан крест или ромб. В резьбе повсеместно встречаются также ромбы и квадраты, поставленные на угол. Выразившие некогда женское начало и символику плодородия в природе, ромбы давно утратили свое первоначальное смысловое значение, но традиция применять их на фасаде продолжает жить и заставляет мастеров неукоснительно соблюдать их формы.

В пропильной резьбе можно выделить целый пласт геометрических орнаментов, рожденных самой техникой резьбы. Прямые линии, треугольники, зубцы, полукружия, расположенные в определенном ритмическом порядке, создавали нарядные композиции. Одним из наиболее излюбленных мотивов геометрического орнамента является сердечко. Мотив этот бытовал еще в Древней Руси. Особенно часто он встречается в орнаментации изделий из дерева и просечного металла.

Простейший и наиболее распространенный элемент растительного орнамента — S-образный побег — встречается в резьбе издревле. Постепенно он стал «прорастать», приобретая «травный» характер. Когда один такой мотив сочетался с другим, получался пышный растительный побег, при этом как бы вновь появляются языческие символы с берегинями в центре композиции и деревом жизни по ее сторонам. Виноградная лоза с гроздьями, широко распространенная в глухой резьбе, в пропильном декоре встречается редко, зато мастера охотно вводят в свои орнаментальные композиции хорошо им известные мотивы ромашки, колокольчика, подсолнуха, тюльпана, розы. Это придает орнаменту еще более жизнерадостный характер.

Образы животного мира для гороховецких мастеров всегда имели особую привлекательность. Птицы и животные олицетворяли собой силы природы, поэтому наделялись символическим значением. Глубоко поэтический смысл несли эти образы в фольклоре и народном изобразительном искусстве. Зооморфные мотивы включают в себя орнитоморфные мотивы (изображения птиц), собственно зооморфные (изображения животных) и тератологические (изображения фантастических существ). В пропильной резьбе особенно часто встречаются изображения петухов и кур, или, как их любовно называют в народе, «петунов» и «курушек». Они обычно расположены парно в центре (очелья) и повернуты головами друг к другу. Часто между ними древо, что указывает на традиционную символичность композиции. Из мира животных изображение коня занимает в резьбе основное место. Оно широко применяется в украшении наличника и фронтона кровли. Нередко встречаются такие изображения птиц и животных, когда реальные их черты сливаются с фантастическими, сказочными или когда происходит совмещение в одном изображении разных животных или птиц. Полуптицы, полуживотные всегда очень выразительно вписаны в композицию орнамента, придавая декору черты загадочности.

Большой интерес в этом отношении представляет изображение змеи, игравшей в древности роль оберега и считавшейся покровительницей дома. Теперь этот образ приобретает всё более сказочный характер и превращается в дракона. Это самый рас-

пространенный те-
ратологический мо-
тив. В конце XIX в.
народным мастерам
ближе был не отвле-
ченно-символичес-
кий образ дракона, а
более конкретный
образ Змея Горыны-
ча, хорошо знако-
мый им с детства по
сказкам и лубочным
книжкам с ярко рас-
крашенными кар-
тинками. Последние
всегда находились у
них на виду, по-
скольку были ход-
ким товаром у кор-
бейников, торговав-

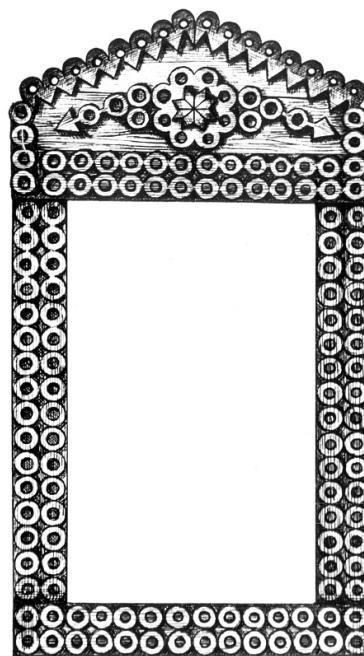

Жилой дом в с. Егорье. 1913 г.

ших лубочной литературой. Сама иконография рез-
ных драконов очень напоминает лубочных: из пасти
Змея Горыныча вылетают огненные стрелы. Посте-
пенно из крылатого дракона Горыныч превращается
в ползучего змея. Став ползучим, он легко мог впле-
таться своими изгибами в орнамент, цепляться хвостом
за растительные побеги, сливаться с ними, все
более теряясь в общем орнаментальном строе. Стре-
лы становятся просто листовным завитком, хвост
пышно расцветает — и вот перед нами уже травное
узорочье, где драконы и змеи почти окончательно по-
теряли свой первообраз.

Примером такого удивительного перевоплощения
может служить резной наличник одного из домов в
с. Егорий Гороховецкого района. Его очелье с тре-
угольным завершением представляет собою ярко вы-
раженную центрическую композицию с предстояни-
ем. Такого типа композиции, наряду с ярусными, име-
ли в народном искусстве древние истоки и были свя-
заны с изображением макрокосма⁷.

Центром всей композиции является солярная вось-
милучевая розетка — древнейший и наиболее распро-
страненный мотив народного искусства. Он связан с
культутом солнца. Число восемь расшифровывается как
восемь суточных положений солнца. Но восьмилуче-

Наличник окна жилого дома в с. Егорье. 1913 г. Реконструкция А.И.Скворцова

⁷ Вагнер Г.К. О чертах космологизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 323.

вая розетка, в свою очередь, наложена на круглый диск с восьмью кольцами по краям, что дает повод интерпретировать эти фигуры как небесную сферу и круговой ход солнца по небу⁸.

По сторонам от центрального солярного мотива, непосредственно сливаясь с ним, расположены в позе «предстояния» фигуры, составленные из колец, идентичных с кольцами диска. Завершаются обе фигуры изображением стрел. Иконографически стрела является атрибутом вполне определенного образа в русском фольклоре — змеи-дракона. Подобными стрелами оканчиваются, например, хвосты у сказочных Змей Горынычей и Чуда-Юда, что в изобразительном плане хорошо можно проследить по лубкам XIX в., а также по иконам «Чудо Георгия о змие». Это могут быть и огненные стрелы, вылетающие из пасти чудовища. Но в таких случаях змеи-драконы являются олицетворением зла.

Как известно, в средневековый период многие народные представления о языческом боге-громовике были перенесены на образ Ильи Громовержца⁹. Воображение народа соединило образ Ильи Пророка с образом дождя и даже змея. В данном случае мы могли бы рассматривать стрелы как признак более поздней средневековой иконографии для выражения огненной стихии, но останавливает одно обстоятельство. Розетка окрашена в красный цвет, что символизирует солнечный свет, предстоящие же фигуры драконов выкрашены в желтый цвет. С Ильей Пророком связан красный цвет. На иконах он изображается одетым в красные одежды, в представлении крестьян он носил красную шапку. Следовательно, перед нами образ языческого змея-молнии, связанного с огненной и водной стихиями. В таком случае желтый цвет не противоречит символике небесного солнечного огня, являясь его разновидностью¹⁰.

В целом следует признать, что крестьянин, исполнявший резьбу наличника, изобразил в рассматриваемой композиции стихию небесного огня и воды. Видимо, это не было случайным. Если принять во внимание, что обрамление наличника составлено из зигзагообразных зубчатых линий орнамента, трактуемых как символ воды, становится явным сознательный отбор мастером вполне определенных мотивов. Скорее, это было отражением непосредственных забот хозяина дома, интуитивно чувствующавшего в этих символах охранительную функцию.

Замкнутый уклад жизни сохранялся в селе очень долго, и древние верования в магическую силу природных явлений не забывались. Особое место занимали божеества, связанные с водой. Это укрепилось и приняло более откровенные формы, когда летом 1912 г. почти все Егорье сгорело от большого пожара, начавшегося во время грозы¹¹. Пожар случился в середине июня, в так называемую «русальную неделю», накануне дня Ивана Купалы, когда земле нужен дождь. Согласно славянскому календарю, это время летнего солнцеворота, делившего год на две половины. В купальской обрядности культ воды, огня и солнца достигает своего апогея. Не поэтому ли солнечная розетка на челе наличника не только заняла центральное место, но и трансформировалась в изображение «двойного солнца», когда одна розетка была наложена на другую? Вполне возможно, что подобная иконография отражает опреде-

⁸ Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. М.: Советская археология, 1960. № 4. С. 60.

⁹ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.: Л., 1957. С. 112—114.

¹⁰ Василенко В. М. О содержании в русском крестьянском искусстве // Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. М., 1971. С. 179.

¹¹ Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934. С. 150.

ленную связь с двумя периодами в году, когда солнце как бы меняет свой ритм движения. Стихийное бедствие вызвало к жизни древние космологические образы, которые в качестве оберега изображались на фасаде дома. Вызывает удивление столь поразительное знание мастером содержания уже давно, казалось бы, умерших языческих символов.

Дерево было удобным и дешевым строительным материалом, но недолговечным. Частые пожары в одночасье превращали в пепелища целые улицы и кварталы. Поэтому правительство активно насаждало в городах каменные постройки. Так, в царском указе 1701 г. строго предписывалось, чтобы «всяких чинов людям, которые погорели, или вновь кто хочет строить, им деревянного никакого строения не строить, а строить палаты каменные... а буде кому таких палат построить невмочь, им строить палаты в полтора и один кирпич...».

Гороховец — один из немногих городов России, где сохранилась гражданская архитектура XVII—XVIII вв. Причем среди семи сохранившихся каменных палат гороховецкого посада нет двух одинаковых. У каждой из них свой «ранг». Это и богатые хоромы, и дома купцов средней руки, и совсем простые каменные избы рядовых жителей посада. Вся социальная иерархия русской провинции нашла здесь свое отражение.

Самое представительное из этих строений — дом Ершова, сооруженный в 1680-е годы (ул. Нагорная, 4). Местоположение дома на склоне Пужаловой горы, в стороне от центральной улицы, дало возможность значительно возвысить его среди рядовой одноэтажной застройки, от которой он отгорожен высоким тесовым забором с дубовыми воротами.

Дом трехэтажный, на высоком подклете. Объемно-планировочное решение дома традиционно: посредине сени с входом из крыльца, по сторонам — жилые комнаты. Все помещения перекрыты сомкнутыми сводами. Второй этаж дома — парадный. Здесь находились основные покои. В западной половине располагались две комнаты (хозяина и хозяйки), а в восточной — так называемая «красная» палата, где проходили званые пиры и торжественные события в жизни семьи. Первоначально третий этаж был деревянным, а в XVIII в. перестроен в каменный.

Русские люди издавна предпочитали жить в деревянных домах, поскольку это было полез-

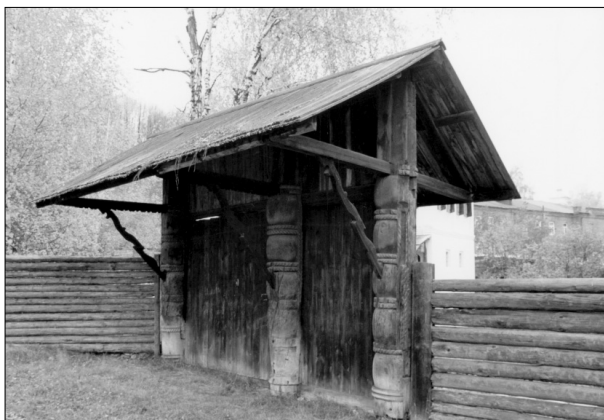

Дом Ершова в Гороховце. XVII в.

Красная палата дома Ершова. XVII в.

Деревянные ворота дома Ершова. XVII в.

вая, печь израцатая, в верхнем одна полата жилия с печью израцатую, внутри трое двери деревянные наборные дубовые, в кладовых в окошках решетки железные, а в жилых полатах и на верхнем крыльце в окошках, кроме одного, во всех оконницы и с решетками железными...»¹².

Органической частью единого комплекса всей усадьбы Ершова являются ворота, возведенные одновременно с домом. По отношению к воротам дом стоит под углом. Поэтому он открывается взору от главного входа в усадьбу во всем великолепии сразу с двух парадных фасадов — восточного и северного. Сложная проблема пространственной взаимосвязи отдельных элементов усадьбы решена здесь удивительно просто, но с огромным художественным эффектом.

Высота ворот более трех метров. Они состоят из трех мощных опорных столбов — «верей», перекрытых сверху высокой деревянной тесовой кровлей на два ската, которая поддерживается фигурными кронштейнами. У ворот два проема: большой двухстворный служил для проезда повозок, а маленький (калитка) для прохода людей. Дубовые столбы имеют форму резных «бусин», перехваченных рельефными валика-

ней для здоровья. Когда же на Руси стали строить каменные палаты, строители по традиции возводили над ними еще один дополнительный — деревянный — этаж. Не остались в стороне от этого нововведения и жители Гороховца. Семен Ершов первым применил этот прием, за ним последовали и другие. Можно представить, сколь живописным было некогда завершение рубленых хором, имевших островерхие кровли с ажурными гребнями и флюгерами. Из хозяйственного первого этажа (подклета), где за крепкими замками хранились имущество и товары хозяина, наверх вела узкая внутристенная лестница.

Древний архивный документ характеризует первоначальный облик хором так: «...на оном о трех этажах полата, крыты тесом, в исподнем две кладовые, у одной большой изнутри деревянные, а спереди створные, равно и у другой железные, в среднем в сенях и на крыльце двери железные, деревянной шкап, жилия полата, в оной перегородка дубо-

¹² ГАВО, ф. 19, оп. 2, д. — 16, лл. 15—15 об.

ми, обработанными жгутовыми порезками, характерными для русской народной резьбы по дереву. Большой вынос кровли ворот, массивные столбы, четкая рельефная резьба создают впечатление монументальности этого сооружения, являющегося замечательным творением местных плотников. Образцы подобных ворот восходят к глубокой древности.

Глубоко традиционные черты просматриваются и в каменных постройках на центральной площади. Дом Судоплатовых и дом Ширяевых имеют планировку, идущую от крестьянского деревянного жилища. Это «избы со связью». Палаты, заняв место деревянных клетей, расположены по бокам сеней. Жилые постройки были некогда частью обширных городских усадеб. Дом Ширяевых, например, в описи 1760 г. числится «со всякими служебными и внутренними и с дворовым деревянным строением... Покоев жилых двенадцать, в них печей изращатых шесть, кирпичных четыре, кладовые три, ледник один, погребов два, всего восемнадцать покоев, в том числе служебных три, при оных в дву по кладовой полатке, сеней семь, в них нужных и порожних для поклажи всякой рухляди холодных небольших покоев двенадцать, при вышеописанных некоторых покоях железных десять дверей, у окон затворов железных десять же...»¹³. Первоначально третий этаж, как и в других посадских домах Гороховца, был деревянным. До наших дней дошло также древнее крыльцо со светелкой, где была девичья.

Притягателен для постройки каменных палат был живописный берег Клязьмы. Здесь в конце XVII в. усадебные хоромы для себя возвели купцы Опарины и Канонниковы. По описи 1783 г. дом Опарина имел следующий вид: «Дом каменной и с огородом... мерою в том дворе и с огородом длиннику в переднем тридцать пять с половиною сажень, поперешнику в переднем тридцать, а в заднем концах тридцать сажень, а на оном дворе каменного строения палаты о двух апартаментах крыты тесом, в верхнем четыре покоя теплых, в исподнем три кладовых... деревянного строения ветхого, а имен-

Дом Ширяевых в Гороховце. XVII в.

Дом Опарина в Гороховце. XVII в.

¹³ ЦГАДА, ф. 479, оп. 2, д. 286, лл. 1—3.

Дом Канонникова в Гороховце. XVII в.

Дом Турулова (Румянцева) в Гороховце. XVII в.

но: светлицы, в них два покоя и сени, крытые тесом, приворотня пятистенная и при ней сени, крыта лубьем и дранью, амбары... баня пятистенная... кухня... конюшня... сарай... в огороде яблонный сад»¹⁴. Как видим, это была обширная усадьба, от которой до нас дошел только каменный двухэтажный дом с типичной для XVII в. планировкой палат «в две связи» (две палаты, разделенные посредине сенями). В прошлом над домом возвышалась деревянная жилая надстройка, подобная той, которая была когда-то над домами Ершова и Ширяева. Но она была утрачена в конце XVIII в. Сегодня дом завершен высокой кровлей, характерной для древнерусских построек. Своеобразие в архитектуру дома вносит красное крыльцо. Над ним, как и в доме Ширяева, разместилась светелка. Из крыльца вход по крутой белокаменной лестнице ведет в сени второго этажа и в светелку.

Всего в нескольких десятках метров от дома Опарина на одной линии с ним находится дом Канонникова, построенный в конце XVII в. Купцы Канонниковы жили скромнее, чем Ершовы или Ширяевы. Может быть, это сказалось и на отделке дома. Он менее притязателен на вид и даже аскетичен. Трезвость и расчет стояли на первом месте. И место было выбрано удачное — на берегу Клязьмы, возле городского собора. Семья была большой, и палаты строились вместительными. У них древняя трехчастная планировка. Среднюю часть первого и второго этажей занимают сени, по сторонам от них в первом этаже расположены жилая «людская» клеть и кладовая, а во втором — жилые покои хозяев. Сени перекрыты коробовыми сводами, остальные помещения — сомкнутыми. Новшеством для гороховецкого зодчества оказалась встроенная парадная лестница, ведущая из сеней первого этажа на второй. Четырехскатная высокая кровля с большими пологими полницами, дымоходами и слуховыми окнами, лаконичные членения фасадов и немногие декоративные детали выразительно подчеркивают формы строгой архитектуры посадского дома.

Представление о древнем каменном жилом зодчестве города было бы неполным без знакомства с еще двумя каменными палатами посада. Это дома Турулова и Воро-

¹⁴ ГАВО, ф. 19, оп. 3, д. 1, лл. 69—70.

нина начала XVIII в. Они уютно разместились на живописном склоне Никольской горы и смотрят своими окнами на Клязьму. Это характерные однопалатные каменные избы простых горожан. Их тип восходит к деревянному жилому дому «в одну связь» (сени и клеть), широко распространенному в Древней Руси. В конце XVIII в. подобные дома так и значились как «каменная о дву апартаментах жилая палата». По-иному решался и вход в помещения. В деревянные рубленые сени, пристроенные с юга, вело красное крыльцо на резных столбах. Дом завершался крутой деревянной двухскатной кровлей, где, вероятно, была устроена еще летняя светелка. Все эти характерные элементы жилого зодчества гороховецкого посада придают архитектуре дома самобытность.

Храмовая архитектура Гороховца

«Новоторговый устав», принятый в 1667 г., был для России знаменательным. Он открыл купечеству путь к быстрому экономическому процветанию. Церковный Собор, собравшийся в том же году в Москве, лишил патриарха-реформатора Никона его священного сана и вернул русскую церковь на более мирный путь. Оба события непосредственно отразились на жизни Гороховца. Богатые купцы, желая увековечить свое имя и продемонстрировать свое благосостояние, делают огромные вклады в строительство каменных храмов.

Но строить приходилось теперь по вновь заданному порядку. Когда в 1686 г. Семен Ершов обратился с челобитной к московскому патриарху Иоакиму на возведение монастырского собора на Никольской горе, в ответ он получил циркуляр с описанием внешнего вида будущей постройки: «...верхней бы церкви алтарь был над нижнею, чтоб нижней церкви алтарь был выпущен над алтарем верхним, а верх на тех церквах

Вид на Сретенский (на переднем плане) и Никольский (на заднем плане слева) монастыри и городской Благовещенский собор (справа) в Гороховце. XVII в.

сделать по чину прочих каменных церквей с освященным пятиглавием, а не шатровый...». Так и было сделано. В 1689 г. собор во всей своей красе взметнулся над горой, открыв собой эпоху каменного строительства в городе.

Но, почитая «освященную» старину, гороховецкие мастера не упускали случая, где это было возможно, показать и свои пристрастия. Они проявились в самых ранних каменных церковных постройках города.

В 1679 г. самый богатый купец города Семен Ершов строит каменный храм Знамения Богородицы с колокольной в заречном монастыре. В архитектурных формах сооружения много архаичного, неустоявшегося, но основные черты и приемы, которые потом примут стабильный характер, уже налицо. Церковь кубическая, бесстолпная, одноглавая, перекрыта сомкнутым сводом. Апсида трехчастная и по высоте доходит до середины четверика, карниз которого увенчан декоративными кокошниками, опирающимися на подзор из горизонтальных тяг и сухариков, — прием, использовавшийся потом во многих постройках. Шатровая восьмигранная колокольня поставлена на низкий квадрат первого яруса. Она еще тяжеловата по пропорциям, но ее «гороховецкий» тип уже сложился. О том, как воспринимали это сами гороховчане, можно судить по архивному документу, очень образно рисуящему изобретение местных мастеров: «...колокольня до плеч четырехугольная, от сих с осьмою пролетами осьмигранная, над ними карнизы полукруглые, под главу сведено круто...». Такова шатровая колокольня уже упомянутого Никольского монастыря. Она тоже имеет ярко выраженную примету: явно заниженный четверик и подвышенный восьмерик. Впоследствии этот тип колокольни, идущий от деревянных построек, прочно закрепился в

Вид на Благовещенский собор (слева) и Никольский монастырь (на заднем плане справа). XVII — начало XVIII в.

местном зодчестве и стал ее характерной приметой. Примером является городской Благовещенский собор, увенчанный пятью главами и крытый железом на четыре ската. Он высится на центральной площади, как бы раздвигая в стороны мощью своего эпического звучания все разностилье толпящихся рядом построек. В 1700 г. его воздвиг тот же «гостиной сотни человек» Семен Ершов.

Всем своим видом церковь напоминает столичные соборы. В ее архитектуре чувствуется возвращение к традициям пятиглавых храмов XVI в. Об этом напоминают и гладкие пилястры, которые лаконично оформляют углы фасадов и делят стены на прясла, и вытянутой формы окна в широких нишах, и массивные барабаны, увенчанные луковичными главами, и трехчастная приземистая апсида с характерным для Гороховца декоративным поясом по карнизу. А рядом отдельно стоит шатровая колокольня типа «восьмерик на четверике». Она имеет необычно заниженный четверик по сравнению со стройным и легким по пропорциям восьмериком. Это чисто гороховецкая особенность постройки. Нечто подобное имеется и в колокольне Никольского монастыря.

Самобытна архитектура небольшой зимней церкви Иоанна Предтечи. Она расположена рядом с собором и построена в самом начале XVIII в. Пожалуй, наиболее полно всю значительность построек соборного ансамбля начинаешь ощущать тогда, когда оказываешься под низкими, как бы придавленными сводами этого храма. Его интерьер очень камерный, от него веет домашней простотой и уютом. Сам тип церкви восходит к местным жилым деревянным постройкам, имеющим трехчастную структуру. Посредством арочных проемов последовательно одно за другим раскрываются помещения трапезной, основного объема и апсиды.

Повторяемость приемов и узнаваемость облика храмов — самая примечательная черта строящихся церквей. Воскресенский храм, возведенный в конце XVII в. рядом с жилыми палатами Семена Ершова, построен по типу собора Никольского монастыря и близок ему по структуре. Его двухсветный четверик завершается четырехскатной кровлей и пятью стройными, широко расставленными барабанами с крупными наплывающими луковичными главами.

В целом объемно-пространственное решение Воскресенской церкви, основанное на живописном сочетании различных по высоте объемов и нюансов композиционного построения фасадов, необычайно динамично. Сочная лепка наличников и декоративных поясков, выразительный силуэт мощных столбов аркады и крыльца, стремительный взлет входной арки на второй этаж усиливают это впечатление, придают архитектуре здания живой скульптурно-пластический характер.

В соборе Сретенского монастыря, построенном в 1689 г., архитектурный и орнаментальный дар гороховецких мастеров нашел самое полное выражение. Типична для Гороховца и колокольня: тот же заниженный четверик и легко вздымающийся над ним граненый столп шатра с тремя рядами слухов.

Прямоугольный в плане храм имеет трехчастную структуру. По оси запад—восток размещены основной объем, трапезная и апсида. Центральный объем представляет собой стройный двухсветный четверик, увенчанный пятью главами, барабаны которых оформлены колончатой аркатурой. Оконные проемы, забранные коваными решетками, богато декорированы наличниками разнообразной формы с сочной профилировкой в завершениях. Входы решены перспективными порталами с коваными металлическими дверями. Сами главы покрыты цветной черепицей, что создает очень живописную картину, особенно когда все это начинает играть и переливаться в солнечных лучах.

Стоящая рядом теплая церковь Сергия Радонежского имеет скорее гражданский характер. Лишь тяжеловатая луковичная глава на высоком барабане, украшенном арка-

Жилой дом Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

турно-колончатый пояском, свидетельствует, что перед нами культовое сооружение. В трапезной церкви сохранилась печь XVIII в., облицованная яркими полихромными изразцами, оживляющими скромный интерьер, и придающая интерьеру еще более скромный домашний вид.

Артель гороховецких каменщиков, строивших храмы, явно исходила из традиций народного зодчества, на практике претворяя в жизнь его художественную специфику.

В середине XIX в. Гороховец насчитывал всего 2448 жителей и 327 жилых домов, из которых лишь 12 были каменными, остальные — деревянные¹⁵. Они и сегодня всецело определяют облик старого города. Уютно разместившаяся вокруг каменных храмов и палат деревянная застройка оттеняет белоснежные фасады древних зданий. Между ними найдена та ясная соразмерность, которая позволяет по достоинству оценить талант народных мастеров, создававших на протяжении нескольких столетий изумительный по своей цельности и колориту городской ансамбль.

В XIX в. в Гороховце, как и во всей округе, была развита барельефная (глухая) домовая резьба, выполнявшаяся с помощью долота. Дома в городе одевались в пышное травное узорочье. Особенно любили мотивы «вазонов» с произрастающими из них побегими аканта, а также самые разные по форме солнечные розетки, то тесно вплетавшиеся в листву, то рельефно выступавшие на глади доски. Здесь языческая древность соседствовала с элементами нового художественного стиля.

Дома отмечены печатью увлечения классицизмом. Мезонин со стройными колонками оформлен базами и капителями, строгий профилированный карниз обшит доска-

¹⁵ ГАВО, ф. 445, оп. 1, д. 354, л. 23.

ми, как и весь дом, наличники выполнены в виде изящно профилированной рамы с лучковым завершением.

Под воздействием столичной архитектуры улицы Гороховца приобретали совершенно неповторимое обаяние. Его подчас трудно уловить, но оно присутствует постоянно. Это проявляется и в точно выверенных пропорциях построек, поражающих своей гармонией и уютом, в особой интерпретации классических мотивов, пленяющих своей безыскусственностью, и в повторяемости отдельных излюбленных форм.

Встречаются среди застройки и сказочные деревянные терема, выполненные в традициях затейливых форм русской архитектуры конца XIX — начала XX в. Таков дом Пришлецова. Неизвестный зодчий хорошо знал местные художественные традиции, поэтому он обильно украсил дом затейливой резьбой, в которой видное место занимают круглые розетки из цветочных лепестков, побеги аканфа и гроздь винограда, вазоны и гирлянды, а также изображения львов и фараонов («берегинь»). Старые сказочные сюжеты, уже начинавшие к тому времени исчезать из употребления в творчестве местных резчиков, вновь ожили на стенах этого дома.

В местном своеобразии сюжетов находили вдохновение и создатели дома Морозова.

Центральная улица Ленина незаметно вливается в бывшее с. Красное, вошедшее в городскую черту, — своеобразный музей деревянного зодчества под открытым небом. Оно сохранило жилые постройки полутора столетий, причем самых разных слоев населения и самых разных архитектурных стилей — от крестьянских домов всех типов, принадлежавших самим жителям села, до затейливых особняков и загородных дач, построенных гороховецкими промышленниками.

Ярким своеобразием и индивидуальностью привлекают внимание многие жилые дома. Естественно, что в Гороховце искусство уже упомянутых якушей как преимущественно сельских плотников приходилось по душе прежде всего крестьянам и жителям городских окраин. Поэтому дома, украшенные деревянной резьбой, чаще всего можно встретить в районе улицы Московской. Самые ранние дома с такой резьбой относятся к началу XIX в. На ставнях их окон — архаические ромбы, символизирующие по преданиям животворящее солнце. Необычайно выразительным глубоким рельефом отмечен резной декор дома Беловой, создан-

Наличник окна дома Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

Наличник окна дома Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

Наличник окна дома Беловой в Гороховце (бывшее с. Красное). Середина XIX в.

Дом Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). 1857 г.

ный уже в середине XIX в. Небольшой одноэтажный дом, рубленный «в обло», с тремя окнами «по лицу» построен в традициях простого крестьянского жилища, характерного для местного края. Он принадлежал небогатым огородникам, поэтому и располагался скромно, в ряду с подобными себе, на выезде из села в сторону Нижнего Новгорода. Но убранство дома выполнено с большим художественным вкусом и несет на себе следы воздействия архитектурного стиля ампир. Наличники имеют резные ставни и очелья, украшенные «солнышками». По фризу стелются пышные листья аканфа с вплетенными в них кистями, а карниз обработан лепестковыми розетками, напоминающими цветок подсолнуха.

Фасад дома всегда свидетельствовал о достатке его владельца: чем богаче хозяин, тем больше и просторнее его жилище, тем узорнее оно отделано. Такие постройки, как правило, представляли собой лицо села, располагаясь в центре и при въезде в него. Огромный двухэтажный дом богатых крестьянских торговцев Поляковых, возведенный в 1857 г., удачно разместился на живописном холме при въезде в село со стороны Москвы. Его основной фасад

всем своим видом показывает превосходство над окружающей деревянной застройкой. Красочная пластическая резьба на наличниках окон, карнизах и мезонине выдают руку талантливого мастера, хорошо знакомого с формами классической архитектуры. Об этом свидетельствуют пилястры в виде изящных завитков ионической колонны, обработка полиц карнизов своеобразными триглифами и метопами в виде различных по форме розеток, а также устройство мезонина, напоминающего четырехколонный портик.

Спустя два десятилетия был построен еще один дом Поляковых.

Он стоит неподалеку. Это большой двухэтажный особняк, возведенный по типу первого. Его сруб сложен из толстых сосновых бревен, рубленных «в обло». На улицу выходит по пять окон на каждом этаже. Фасады обшиты тесом, что еще более подчеркивает выразительность резного убранства дома. По декору видно, что за прошедшее время искусство резьбы изменило свой стиль. Орнамент стал узорнее и уже сплошным ковром покрывал карнизы. Но в оформлении дома мастера по-прежнему широко использовали архитектурные формы классицизма: мезонин, пилястры, колонки с капителями и базами, а также характерные местные мотивы орнамента в виде вазонов, розеток, побегов аканта. В духе времени на фризе среди пышной листвы вырезана изящная монограмма владельца дома.

Рубеж XIX—XX вв. ознаменовался строительством в селе нескольких крупных особняков загородного типа. Завершение построек в форме «бочек», «шатров», «килей» свидетельствует о воздействии «русского» стиля. Но проникновение его принимает здесь своеобразный ха-

раактер. Поначалу сохраняется распространенный ранее тип образцового жилого дома в четыре-шесть окон, имеющего гладкий карниз большого выноса. Элементы «русского» стиля как бы прорастают сквозь формы излюбленного ампира. Причудливые кровли легко и непринужденно ставятся на основной объем здания. Таков дом А.О. Полякова. Он поставлен на высокий каменный цо-

Карниз дома Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). Фрагмент. 1857 г.

Дом Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). 1890-е годы

Дом Кучина в Гороховце (бывшее с. Красное). Конец XIX в.

Дом Шорина в Гороховце (бывшее с. Красное). Начало XX в.

колонки и накладные «штучные» детали, а подзоры и карнизы обильно покрыты кружевом пропиленной резьбы.

Оригинальный сплав «русского» стиля и модерна представляет собой загородный дом, построенный в начале XX в. крупным судовладельцем и заводчиком М.И. Шориным. Дом одноэтажный, поставлен на высокий кирпичный цоколь, в котором размещались хозяйственные помещения. Над основными объемами имеются мезонины, а углы лицевого фасада фланкированы башнями — квадратной и круглой в плане. Асимметричность здания, разновысотность его объемов и причудливость их завершений создают очень живописную и необычную композицию. Плавно закругленные углы крупных фигурных окон обрамлены резными наличниками, имеющими

коль и обшит мелкоузорным тесом. Над кровлей в центре возвышается мезонин, а по бокам — декоративные башенки, одна из которых имеет бочарное покрытие, а другая шатровое. Башенки и мезонин, в свою очередь, завершаются высокими фигурными шпилями. Карнизы дома опоясаны широкими ажурными подзорами, а пилястры имеют резные капители. Окна обрамлены наличниками, очелье которых обработано резными классическими овами¹⁶ и увенчано ажурным гребнем. Над входом когда-то располагалась веранда, от которой ныне сохранились перила с точеными балясинами. Дом походил на сказочный терем.

Формы «русского» стиля в наиболее чистом виде сохранил дом Кучина. Это типичный купеческий особняк конца XIX в. Он двухэтажный: низ каменный, верх деревянный. Над главным фасадом на крыше возвышаются фигурные башенки, покрытые железом «под чешую». Завершают их шпили с прорезными флюгерами. Наличники окон имеют характерные бусинообразные

¹⁶ Элементы яйцевидной формы (греч.).

характерные для модерна «текучие» формы. Переплеты рам также расцвечены изощренным рисунком, напоминают витражи. При строительстве дома в полную силу проявилось высокое мастерство плотников, особенно в приемах возведения круглой башни из гнутых бревен, уложенных по диаметру ее круглых стен. В декоре дома широко использована пропильная и накладная резьба, которой украшены разнообразные подзоры, причелины, полотенца, карнизы. В основе их лежат местные орнаментальные мотивы.

Неотъемлемой частью декора народного жилища были кованные и просечные изделия из металла. До середины XVIII в. поставщиками железа здесь были такие крупные торгово-промышленные центры, как Ярославль, Нижний Новгород и Москва, где закупалось преимущественно иноземное немецкое и шведское («свейское») железо. С середины XVIII в. большое значение приобрело местное железо, изготовление которого было налажено на заводах Баташева, расположенных в районе реки Оки.

Первые сведения о кузнечном ремесле в Гороховце относятся к началу XVII в. Писцовая книга города за 1628 г. сообщает, что там было 15 кузнецов. Но со временем производство приобрело настолько большое значение, что в 1789 г. при городском магистрате была организована кузнечная управа, главой которой был избран Василий Колпаков, старостой — Дмитрий Шумилин, а старшинами — Яков и Андрей Мишатины. Часто кузнечное ремесло было потомственным и переходило на протяжении столетий из рода в род. Особенно прославились кузнецы Мишатины.

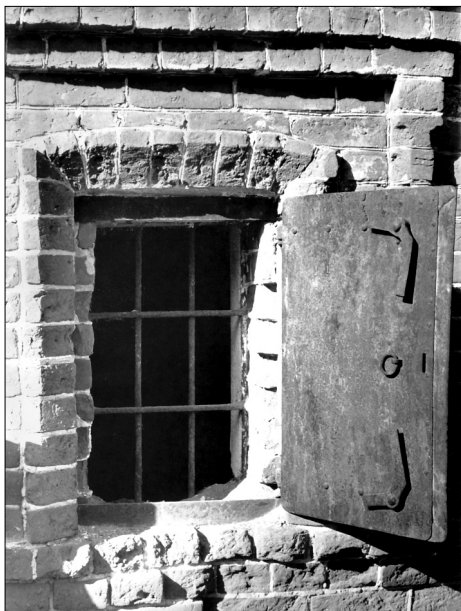
Кузнечное искусство в основе своей было здесь очень традиционно. Веками отлаживались технические приемыковки, совершенствовались художественные формы изделий, расширялся их ассортимент. Кованные двери и ставни, жиковины, замки, ручки, шеколды, решетки, зонты — всё это исполнено с большим мастерством и вдохновением, с выдумкой и желанием преобразить сугубо практические вещи в высокопоэтические произведения.

Примечателен нарядный декор дверей XVII в. из Благовещенского собора в Гороховце, хранящихся ныне в местном музее. Вся их поверхность покрыта крупными пластинами, просеченными легкими кружевными узорами с блестящей подкладкой из цветной слюды. Поверх крупных накладок, как бы предохраняя их, наложены дополнительные полосы. В центре укреплены прорезные бляхи меньшего диаметра. Края дверных створок по всему периметру прикрыты мелкопросечным узором по железу. Двери часто украшались узорными «репьями» и фигурными заклепками. Таковы, например, двери Сретенского собора.

В связке с коваными дверями находились и кованные ставни. Они чаще всего выполнялись мастером одновременно и имели единое композиционное решение. Само понятие «ставень» происходит от слова «ставить». Первоначально оно обозначало специальный щит, устанавливаемый в окна для удержания тепла в помещении, а также для

Фрагмент двери Благовещенского собора в Гороховце. 1700 г.

Ставень окна дома в Гороховце. 1838 г.

Жиковина ворот жилого дома в Гороховце. Конец XIX в.

вращаться на оси, и ручки в форме кольца, прорезанного в петлю или укрепленного скобой. Наиболее ранними шарнирными ручками являются кованые ручки железных дверей Сретенского и Благовещенского соборов в Гороховце. Их можно датировать концом XVII в. Они имеют форму овала с крутыми завитками в месте соединения с шарниром. Середина их оформлена «бусинами» и «шишками».

Второй вид кованых ручек — неподвижные, в виде прямоугольной или скругленной скобы, завершающейся плоскими лепестками в форме кружков или сердечек.

Не ранее XVII—XVIII вв., когда городские, а затем и сельские дома стали огораживаться с улицы заборами, появляются приворотные калитки, а вместе с ними и кованые щеколды. Щеколда — функционально оправданный и рациональный вид запора. Снаружи она представляет собой ручку, которая связана посредством стержня с простым механизмом запора, расположенным с обратной стороны двери.

Художественная фантазия мастеров проявилась, прежде всего, при оформлении ручек. Наиболее часто использовались ручки в форме S-образных спиралевых завит-

защиты от ветра и дождя, а ночью и для безопасности. Вначале ставни были деревянными, но в связи с широким употреблением железа в XVIII в. стали заменяться на металлические.

Кованые двери и ставни широко применялись в гражданских зданиях, особенно в домах с хозяйственными подклетами, а также в амбарах (кладовых), построенных из кирпича. Такие дома и амбары принадлежали преимущественно богатым купцам и предназначались для хранения товаров.

Издавна для навески дверей, ставней, ворот кузнецы изготовляли петли — жиковины. Они очень разнообразны по формам завершений. Наиболее распространены жиковины с заостренным копьём на конце. Часто жиковины завершаются кружком, напоминающим лепесток цветка. Иногда же концы обрубались в виде треугольника, или же их заостренный конец слегка загибался.

Наиболее древним типом жиковин следует считать изделия, имеющие завершение в виде отрогов и S-образных завитков, напоминающих усы жуков, отчего их называют еще «жуковинами». Орнамент насекался на поверхность полос в горячем состоянии различными инструментами: зубилом, кернами, пунсонами.

Выразительную художественную форму придавали кузнецы дверным и воротным ручкам, которые делались подвижными и неподвижными. Подвижные ручки подразделяются на два типа: ручки, которые были укреплены на подвижном шарнире и могли

ков, которые украшались точно-насечным орнаментом. В совокупности с прихотливо изгибающимися завитками орнаментация придавала изделию очень нарядный вид. Иногда в конфигурации ручки лежит подковообразный мотив или мотив сердечка.

Распространены были также шеколды, имеющие «ложчатую» ручку (в виде ложки с выпуклой стороной вверх). Такая легкая пластичная форма была продиктована тем, что служила исключительно для поднятия внутреннего запора и открывания двери путем нажатия на нее сверху ладонью. Помимо «ложчатых», шеколды имеют иногда вид завитка, змейки, фигурки птицы.

Трудоемким процессом, требовавшим от кузнеца больших технических навыков, являлось изготовление кованных решеток для окон. Они отличаются большим разнообразием форм: простые прямоугольные, «шипообразные», «купчатые», «крещатые», «ромбовидные».

Уникальными произведениями гороховецких кузнецов являются «зонты» (навесы). Преимущественное распространение они получили в самом Гороховце. Возникновение их относится к последней четверти XVIII в. и связано с развитием типового жилого строительства. По существу, зонты заменили собой деревянные крыльца. Они защищали вход от дождя, но вместе с тем и украшали фасад дома. Кронштейны, поддерживающие кровлю зонтов, делались в форме упруго изогнутых растительных завитков или круглой розетки ампирического характера.

Не менее самобытны просечные изделия местного края. Ажурные дымники, подзоры, гребни, решетки, вазы, флюгера и другие детали архитектурного декора отмечены большим художественным вкусом и удивительной фантазией. Просечные изделия имели не только декоративный, но и функциональный характер. Большой интерес представляет металлический дымник. Он родился из потребности предохранить кладку кирпичной трубы от преждевременного разрушения, к которому неизбежно приводили дождь, снег, ветер, искры огня. Но само возникновение подобной архитектурной формы обусловлено длительным историческим процессом развития жилища, и в первую очередь системы его отопления. Вплоть до XVII в. деревянные и каменные жилые палаты даже богатых людей отапливались «по-черному». Удаление дыма производилось с помощью дымоволочных труб, которые устраивались в верхней части стены или над дверями, иногда же в кровельном пере-

Кованая дверь дома Шириевых в Гороховце. XVII в.

Шеколда калитки жилого дома в Гороховце. Начало XX в.

Декоративная ваза и дымник жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). 1890-е годы

крытии. Дымоволочные трубы («дымоволоки») делались из дуплистого ствола или же из тесовых досок. Завершались они обычно резными дымницами. Часто для выхода дыма, скапливавшегося в избе, на фронте устраивались специальные волоковые окна с задвижкой.

В XVII—XVIII вв. начался постепенный переход к отоплению помещений «по-белому». Печи складывались из кирпича вместе с каменными дымоходами. К этому времени относится и замена деревянных резных дымников на кирпичные трубы, завершавшиеся фигурными каменными дымниками.

С широким распространением во второй половине XVIII в. отечественного листового железа и развитием кровельного дела кирпичные дымовые трубы стали обшиваться жстью. В народное зодчество это пришло, видимо, одновременно с появлением металлических водосточных труб. Дымники имеют еще и другие названия: «флюгарки», «чехлы», «колпаки». Мастера кровельного дела изготавливали их чаще всего вместе с другими жестяными изделиями, используемыми для украшения здания.

Все встреченные нами на территории Гороховецкого края дымники достаточно стабильны по форме. Они сделаны в виде короба, которым обложена труба со всех четырех сторон. Короб завершается теремком. Углы каждого из четырех граней короба часто оформлены рельефными четвертями солнышка, а центр — розеткой, выполненными техникой выколотки. В целом такие дымники имеют ярко выраженный «архитектурный» характер. Наиболее распространены одноярусные теремки с восьмискатной кровлей на четырех столбиках с прорезным ажурным подзором внизу и гребнем вверх. Увенчиваются теремки шпилем в виде вазы с цветами. Такие дымники являются уникальными произведениями прорезного искусства. Особенно широко они были

Просечной гребень светелки жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). Начало XX в.

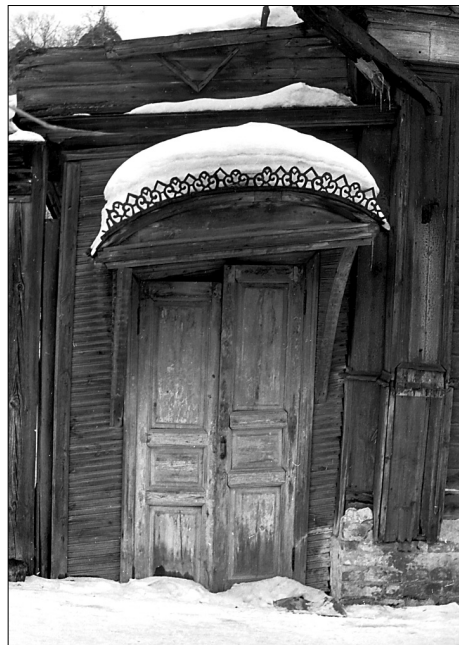
Просечной гребень светелки жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). 1908 г.

распространены в самом Гороховце и с. Красном.

Помимо дымоходов, видное место в архитектурном декоре занимают просечные подзоры и гребни. Их происхождение связано с аналогичными формами деревянного зодчества, когда карнизы построек украшались деревянной резьбой. Вместе же просечные гребни и пропиленные подзоры составляют единый декоративный ансамбль дома.

Повторяя конфигурацию двухскатного фронтона крыши и светелки, гребни центрируются посередине фигурным навершием в виде солнца с веерообразными лучами, круглой лепестковой розетки, так называемого «древа жизни», а также в виде шпилей, заканчивающихся сердечками или пиками, «шишками», «фонариками», солярными розетками, фигурками птиц, звездами, флажками с указанием времени постройки дома или инициалов его владельцев. В орнаментальном строе просечных гребней просматриваются мотивы, связанные как с древней народной символикой, так и с образами современности.

Искусство просечного металла — яркий и жизнерадостный вид народного творчества. Он полнокровно живет на древней Гороховцевой земле. Еще в 1978 г. на республиканской выставке «Металл и кружево», проходившей в Москве, посетители были поражены произведениями мастера Г.А. Тихонова из Гороховца. Изумительное по красоте декоративное убранство домов из просечного железа и по сей день можно встретить во многих селах. Природная одаренность народа и извечное стремление к прекрасному — залог творческого развития традиций древнего ремесла, способного преобразовать непритязательное народное жилище в жизнерадостное и высокохудожественное произведение искусства.

Просечной гребень крыльца жилого дома в Гороховце. Конец XIX в.

А.Г. Кулешов

Мужские ремесла Гороховца

Гороховец — город удивительный и запоминающийся, один из самых колоритных малых городов Поволжья и Заволжья. Он славится своими историческими памятниками, интересными архитектурными ансамблями XVII и начала XX в., замечательным музеем, располагающим богатой коллекцией, и очень развитыми древними ремеслами. Прежде всего это — все виды обработки дерева и металла — искусство, о котором знали далеко за пределами Владимирской и Нижегородской губерний. Целые артели гороховецких котельщиков, плотников и якушей¹ (так, вслед за волжскими болгарями, называли в Поволжье резчиков по дереву) с давних пор работали в разных районах России, вплоть до самого юга.

Строительное дело — область особой значимости. Плотники и резчики по дереву ценились очень высоко, а гороховецкие больше, чем другие, потому что умели не только быстро, красиво и надежно строить, но и оформлять свои постройки причудливой нарядной резьбой. Почти до конца XIX в. это была характерная для данных мест трехгранномычатая и так называемая корабельная — глухая рельефная резьба (та самая, которой издавна украшали речные суда на Оке, Клязьме и самой Волге). А в последние десятилетия XIX и в начале XX в. распространилась ставшая модной ажурная пропиленная и вместе с ней накладная резьба, имитирующая трудоемкую рельефную.

Замечательные образцы знаменитой гороховецкой корабельной резьбы конца XVIII — XIX в. представлены в музее Гороховца и в других известных собраниях (в Нижнем Новгороде, Владимире, Городце). Об этом искусстве писали многие специалисты². В основном, это рельефные фризы, так называемые лобовые доски, заполненные либо растительным орнаментом с излюбленными крупными цветами-розетками между красивыми резными листьями и изгибающимися стеблями, либо причудливыми сочетаниями растительных мотивов с изображениями львов, птиц, образами мифологических существ, таких как Китаврас, Русалка, Сирин. Поражают пластическая выразительность этих фризов, декоративное чутье, чувство материала. В экспозиции Гороховецкого музея есть достаточное количество памятников старинных ремесла.

Похожие рельефные композиции мы встречаем и на старинных домах самого Гороховца, и на богатых домах в деревнях и селах этого района. Преимущественно это постройки второй половины XIX и начала XX в. Особенно интересны дома в самом

¹ Одно из селений Гороховецкого уезда, в котором мужское население поколениями занималось этим ремеслом, получило то же название. Однако оно с лингвистической точки зрения вторично по отношению к данному роду занятий: название места по названию ремесла, а не наоборот.

² Воронов В.С. Крестьянское искусство. М., 1924; Званцев М.П. Домовая резьба. М., 1935; Званцев М.П. Нижегородская резьба. М., 1969; Жегалова С.К. Русская деревянная резьба XIX в. М., 1957.

центре Гороховца (на ул. Ленина, Советской, Нагорной, Московской)³. Они органично вписываются в ансамбль города, сочетаясь с древнерусскими постройками и постройками в стиле модерн, которые часто создавались с использованием традиций народного искусства. Наличники окон, подзоры и карнизы в деревянных гороховецких домах выполнялись лучшими местными мастерами, которые работали и в городе, и в округе. Талантливые сельские плотники и резчики быстро перенимали их искусство и, переосмысляя на свой лад, использовали эти образцы, сохранявшие древние традиции края.

Из наиболее ранних жилых построек Гороховецкого района, относящихся к архаичной типологии, с самцовой двухскатной конструкцией кровли, можно назвать несколько домов в деревнях Выезд, Баландино, Реброво, Юрово, Быкасово. Особенно выделяются богатые двухэтажные и одноэтажные на высоком подклете дома в деревне Выезд. Уже само название этой деревни говорит о том, что находилась она на тракте, население ее занималось извозом, на чем изрядно разбогатело. Окна в самых больших домах (и на первом, и на втором этажах) снабжены ставнями и обрамлены строгими прямыми наличниками с глухой корабельной резьбой в трапециевидных очельях. В одном из этих домов богатая рельефная резьба украшает и широкий подкарнизный фриз. Приемы строительной техники, типология, напоминающая северорусскую, и декор, сохранивший связь со стилистикой позднего классицизма, позволяют датировать эти постройки второй половиной XIX в. Интересны не только большие крестьянские дома с самцовой кровлей, но и обычные для того времени более скромные, с тремя окнами по фасаду. Их ставни, наличники и карнизы украшает та же глухая резьба.

Работа резчиков всегда индивидуальна, но избираемые ими пластические и орнаментальные формы, мотивы, их расположение могут отражать вкусы вполне определенного времени. И это иногда позволяет уточнить датировку памятника. Примером может быть зафиксированный нами немного перестроенный старинный дом в де-

*Двухэтажный дом с самцовой кровлей и глухой корабельной резьбой в наличниках, д. Выезд. 2-я половина XIX в.**

* Фотографии выполнены автором.

³ Андреев Н.И., Скворцов А.И. Гороховец. Ярославль, 1988.

ревне Реброво. Окна главного фасада этой поновленной избы обрамлены наличниками с очень лаконичной глухой резьбой. Мотив солярной розетки, выделенной розовым, сохранил, видимо, и первоначальную расцветку фона (он нежно-зеленый и контрастно сочетается с розовым). Этот мотив в таком его пластическом исполнении и расцветке особенно характерен для памятников середины XIX в., поэтому можно скорректировать предполагаемую дату данной постройки — не позднее 70-х годов XIX в.

Местные жители с уважением относятся к старым избам, иногда они даже становятся своеобразной достопримечательностью. В деревне Юрово, в частности, нам показали стоящий у переправы Дом перевозчика. Никто не помнит, когда именно он был построен, но за ним прочно утвердилось название «столетний дом». На самом деле, судя по целому ряду особенностей, этому дому более ста лет. Об этом свидетельствует резьба его наличников, выполненная в лучших поволжских традициях последних десятилетий XIX в.

Любопытен и необычен для этих мест тип постройки одного из домов в деревне Шубино. Известный теперь как Дом пчеловода, он принадлежал когда-то местному купцу. Происхождение этого человека неизвестно, но дом его явно выделяется из обычного ряда. Красивый, с мезонином и изящными резными колонками, он очень напоминает некоторые дома загородного типа в самом Гороховце, особенно на Московской улице, и приближается к образу небольшого дома мелкопоместной усадьбы второй половины XIX в. Для купечества желание подражать вкусам дворянства — особенность совсем не редкая.

В Гороховецком районе прослеживаются черты, которые характерны для строительного дела на рубеже XIX и XX вв. в целом. Типология крестьянского дома в этом районе остается почти неизменной, однако за счет внедрения пропильной резьбы заметно меняется его оформление в целом. Пропильная резьба постепенно вытесняет другие виды деревянной резьбы, распространенные здесь прежде (глухую корабельную, трехгранномчатую, накладную)⁴. И все-таки процесс этот протекает замедленными темпами, поэтому разные виды резьбы не только продолжают сосуществовать вплоть до наших дней, но и создают разнообразные интересные сочетания. А строят в гороховецких селах и деревнях и по-старому, и по-новому, приспосабливаясь одновременно к древней традиции и современным требованиям.

Для гороховецких домов рубежа XIX—XX вв. свойственны стропильный тип кровли — на четыре ската — и довольно сложное оформление фасада, комбинирующее разные техники резьбы. К рубежу XIX и XX вв. относятся характерные для этих мест богатые пятистенные дома в деревнях Реброво, Баландино, в селах Чулково, Фоминки, Гришино. Высокие окна этих домов, в духе городских (такие постоянно встречаются среди построек Гороховца), отличаются довольно сложным решением наличников, особенно очелей. Часто это выдвинутые вперед красивые кокошники с уступчатой мелкой просечной и пропильной резьбой, которая хорошо сочетается с более крупными деталями рельефной и накладной резьбы в нижних частях наличника. Встречающаяся в этих домах форма обрамления окон с так называемыми ушами-подвесками, или серьгами, очень древняя и восходит к образцам XVII столетия. Увлечение пропильной резьбой, модной в конце XIX в., проявляется в этих постройках прежде всего в решении широких ажурных карнизов. Они удивительны по многообразию мотивов и виртуозности исполнения.

⁴ Скворцов А.И. Русская народная пропильная резьба. Л., 1984; Скворцов А.И. Искусство плотническое // Золотые ворота. М., 1985.

Из молодых плотников и резчиков, работающих в настоящее время в Гороховецком районе, можно назвать Андрея Ивановича Ляху — тридцатилетнего мастера, живущего в селе Чулково. Он строит и для себя, и для соседей, осваивая местную традицию. Иногда модернизирует, иногда точно повторяет старые образцы. А в этом селе есть чему поучиться: здесь работали когда-то прекрасные старые плотники и резчики. Более строго соблюдает местную строительную традицию другой молодой мастер — Михаил Алексеевич Евдокимов (1975 г. р.), живущий в селе Фоминки. Он работает и как плотник, и как столяр. Прекрасно режет по дереву, серьезно увлекается токарным делом, изготавливает интересную мебель. На его примере хорошо видно, насколько тесно связаны между собой разные виды деревообрабатывающих ремесел, как плодотворно использование старых традиций в наше время и как необходим творческий подход к художественному наследию прошлого.

Местные гороховецкие столяры-мебельщики, как и мастера из других районов, всегда работали в основном с оглядкой на город и городскую моду. Однако и древние русские формы, характерные для предметов XVII—XVIII в. (а в Гороховце культура этого периода оставила глубокий след не только в архитектуре), полностью, видимо, никогда не исчезали. Их трансформировали, но продолжали сохранять. В деревнях и селах со старообрядческим населением, строго соблюдавшим связь с древней традицией не только в церковных обрядах и образе жизни, но и в быту, древнерусские формы предметов повторялись на всем протяжении XIX и в начале XX в. Простая, очень функциональная в своем решении деревянная мебель, напоминающая очертаниями ту, что используется в воссозданном сейчас интерьере палат Ершова (Сапожникова) XVII в., все еще бытует в таких местах, как Фоминки, Митино, Юрово, Рождествено, Реброво, Быкасово. Местные столяры привычно повторяли древние формы при изготовлении столешницы, скамьи, сундука, рамы для зеркала. Эти формы снова стали популярны в искусстве в эпоху модерн и варьировались в произведениях городских интерьеров конца XIX — начала XX в., что не могло не отразиться и на изделиях сельских мастеров.

И все-таки большая часть предметов старинной гороховецкой мебели выполнена под влиянием традиций позднего классицизма. Прежде всего это проявляется в поставцах — шкафчиках-«горках», которые встречаются буквально в каждом доме. Несколько интересных предметов такого типа мы видели в деревнях Рождествено, Золотово, Юрово. Они могут быть и одностворчатыми, и двустворчатыми в верхней части, а в нижней — двумя дверцами или выдвижными ящиками, как в комод. Могут быть сделаны из тонированного темного отлакированного дерева, напоминающего дорогие сорта (орех, красное дерево), или из светлого (чаще всего из березы). Все они имеют классицистические вытянутые пропорции, строгую профилировку, рельефные накладные детали токарной работы по углам в виде изящных балясин, иногда — фигурное завершение или рельефный резной фриз. В деревне Юрово, кроме хорошо сохранившихся образцов, относящихся к рубежу XIX—XX вв., нам встретился и очень любопытный ранний поставец. Он может быть датирован второй половиной XIX в. Завершающий его верхнюю часть фриз состоит из ряда продолговатых узорчатых листьев, выполненных в технике глухой рельефной миниатюрной резьбы. К сожалению, части этого поставца теперь не только разрознены, но и покрашены бежевой масляной краской, что мешает представить вещь в ее первоначальном виде. О том, какие замечательные поставцы делали местные мастера в XVIII — первой половине XIX в., можно судить по прекрасному в своей сохранности расписному шкафчику в экспозиции Гороховецкого музея. Это настоящий памятник народного искусства — столярного и живописного одновременно.

Стулья, диваны и кресла в большинстве гороховецких домов и в сельских домах — покупные, современные, старые встречаются довольно редко. Однако нам повезло. В деревне Выезд, в доме А. Данилевич мы не только познакомились с интересными предметами рубежа XIX—XX вв., но и узнали об известном здесь мастере-мебельщике, который создал эти вещи. Василий Федорович Чесноков (1870—1957) — потомственный резчик. Учился он у отца и деда, мебель делал больше в молодые годы. Потом — в 20—40-х годах, в трудное время, потребности жителей изменились, и он переключился на из-

Дом со стропильной кровлей и богатым оформлением стропильной резьбой в наличниках и карнизе, д. Выезд. Конец XIX в.

Дом А.И. Ляху, д. Чулково. 1990-е годы

готовление сельского инвентаря, выполнял бондарные и токарные работы, благо имел опыт и в этом деле. В 50-е годы уже работал мало, в его 80 лет это было трудно. Тем не менее считают, что именно он с кем-то из молодых мастеров вырубил дубовую колоду для местного источника-родника, имеющего целебные свойства. В праздник Крещения из него всегда берут воду, и не только жители этой деревни. Выдолбленная из ствола колода сохраняет чистоту этой воды, делает удобным пользование.

Небольшой диван в доме А. Данилевич сделан по образцу тех предметов, которые использо-

вались в помещичьем быту еще в дореформенное и послереформенное время. Они создавались повсюду руками местных мастеров и встречаются в разных районах Поволжья. Видимо, подобные вещи когда-то делали дед или отец Василия Федоровича, он же повторил их, но с большим мастерством и чувством стиля. Следует назвать и другие его работы — шкаф темного дерева и раму для зеркала. Она имеет необычную квадратную форму и профилированные приставные углы, которые делают ее пластически более выразительной. Тонированная темным и лакированная, она контрастно выделяется на фоне стены.

В наше время мастерство гороховецких столяров-мебельщиков продолжает развиваться, и то, что они делают, не только не уступает по своему качеству и оформлению современным фабричным изделиям (отечественным и импортным), но часто превосходит их. Каждый предмет — плод индивидуального творчества, обладает своими художественными достоинствами, оригинальностью решения, интересным использованием местной ремесленной традиции, которую здесь все сохраняют и чтут. К известным в Гороховце мебельщикам относится, в частности, семейство Барцовых, отец и продолжающий его дело сын — оба потомственные столяры.

Отец, Барцов Леонид Филиппович (1916—1990), занимался изготовлением мебели в традиционных для второй половины XIX и начала XX в. формах, с богатыми украшениями глухой рельефной резьбой. Это — буфеты-«горки», столы, стулья, кресла, диваны, платяные шкафы, с зеркалом и без зеркала. Прообразом для многих произведений этого мастера служила мебель эпохи эклектики и стиля модерн, которую Барцов-старший знал по городским интерьерам Гороховца. Интересно проследить, как он сочетает традиции местной народной деревянной резьбы с элементами современного стиля. Иногда он делал по заказу целые гарнитуры. Их даже давали в приданое невестам, ценили исключительно высоко. Один из таких гарнитуров Л.Ф. Барцова мы видели в доме Морозовых. Он состоит из буфета, зеркального шкафа и дивана с высокой резной спинкой. Все эти предметы выполнены из березы. Все хорошо продумано, пропорционально и проработано в деталях. Дерево обработано олифой, покрыто лаком, выглядит золотисто-желтым, прекрасно выявлен его фактурный рисунок. В рельефной резьбе этот мастер обращается преимущественно к растительным мотивам, которые он варьирует в разных предметах, объединяя их благодаря этому приему в целостную композицию. Излюбленные мотивы повторяются им и в вещах, изготовленных для собственного дома (буфет и шкаф с зеркалом). Во всех горизонтальных элементах в верхних частях предмета мастер чаще всего использует изображение виноградной лозы — символа плодородия и богатства (виноградная гроздь в окружении больших узорных листьев); в вертикальных, боковых частях обычно применяет высокий раздвоенный стебель розы с крупным цветком и бутонами. Особенность, характеризующая стиль данного мастера, — сочетание в декоре глухой, детально проработанной рельефной резьбы и скульптурных, объемных элементов в обрамлении (ряды мелких балясин по углам и более крупных — в решетках).

С 50-х годов Леонид Филиппович уже работал вместе с сыном Геннадием (1940 г. р.), которому постепенно передал все навыки семейного ремесла. В дальнейшем Геннадий Леонидович стал работать самостоятельно. Во многом его изделия напоминают манеру и стиль отца, но имеют и свои особенности. Они проявляются в усилении чисто живописных эффектов в его декоративных решениях. В композиции с глухой традиционной резьбой он вводит темные фоны, которые создают впечатление инкрустационной техники, популярной на рубеже XIX—XX вв. и снова вошедшей в моду в последнее время. В технике исполнения, декоре, в принципах изображения и мотивах наблюдаются явная преемственность, связь с местной традицией.

Диван работы Л. Ф. Барцова. Глухая рельефная резьба в оформлении, материал — дерево березы, Гороховец. 1950-е годы

То же можно сказать и о столярных работах других гороховецких мастеров: из поколения Барцова-старшего, из поколения Барцова-младшего и из современного поколения, работающего в наши дни. Поэтому есть основание сделать вывод: промысел как таковой в этих местах действительно не угасает, он продолжает развиваться.

Из старейшин данного промысла можно назвать еще и потомственного мастера Ивана Егоровича Кренделёва (1905—1982),

жившего в селе Фоминки. Он известен своей добротной, красивой мебелью, а также многочисленными плотницкими работами (строительство и украшение домов в самих Фоминках и близлежащей деревне Осинки). Нам показали сделанный им платяной шкаф, «горку» и вполне современную по виду этажерку. Во всех этих вещах отчетливо прочитывается традиционная основа — в формах, пропорциях, сочетании столярных и точеных токарных деталей.

Представителем среднего поколения мастеров является Владимир Алексеевич Фоминых, тоже живущий в с. Фоминки (1956 г. р.). Он уже 10 лет делает мебель (до этого мебели не делал). Судя по его высказываниям, всегда ориентируется на лучшие местные образцы, на опыт мастеров старшего поколения. В отдельных своих вещах использует трехгранновыемчатую и глухую резьбу, а иногда даже живопись. Она напоминает в своих мотивах лаковую миниатюру Мстёры, Холая, Палеха (оформление спинок деревянных кроватей, обрамление дверных проемов).

О самом молодом мастере из села Фоминки мы уже упоминали. Это Михаил Алексеевич Евдокимов. Он тоже, как повелось здесь, одновременно и плотник, и мебельщик. Ему еще нет тридцати, а его уже почитают как первоклассного мастера. По своим формам его мебель напоминает и традиционные, и покупные фабричные вещи. Некоторые имеют совершенно иное, чем прежде, назначение (стол-тумбочка под телевизор, тумбочка для магнитофонных кассет). Кажется, все уже по-новому, всё не похоже. На самом же деле, модернизируя старые формы, он составляет предмет из тех же деталей, что и прежние мастера, чередует столярные и очень аккуратно, красиво выполненные токарные элементы. В результате получается современная вещь, но выполненная в традиции, с хорошим чувством материала, формы и стиля. Традиционная технология резьбы, вариативность приемов и деталей, сама типология.

Очень любопытно творчество еще одного гороховецкого столяра, Виктора Алексеевича Елшенкова (1940 г. р.). В последние годы (особенно после выхода мастера на пенсию) оно отмечено преимущественным интересом к мелкой пластике. Увлечение скульптурой пришло к нему не вдруг, «только прежде и страх перед этим делом был, и времени на серьезное занятие не хватало». Поначалу он только любовался изделиями богородских, городецких и своих гороховецких мастеров. Потом попробовал что-то делать сам — получилось, а теперь без этого не мыслит своей жизни.

Когда-то, в первой половине и в 60-е годы XIX в., в Гороховце делали деревянную плотницкую игрушку. Местные плотники и столяры между делом отдавали дань этому увлечению; в результате возник игрушечный промысел. Однако просуществовал он только пятьдесят лет, в послереформенное время уже не фиксировался. Старинные гороховецкие игрушки находятся в известном Музее игрушки в Сергиевом Посаде и в некоторых других коллекциях, о них в свое время писали и А.И. Скворцов, и Н.В. Тарановская⁵. По своему характеру эти игрушки близки богородским, но отличаются от них и типажом, и техникой исполнения. Они более архаичны, грубоваты по форме и раскраске, экспрессивны и очень фактурны. Считалось до сих пор, что традиция игрушечного дела в этом крае давно прервалась. Теперь же, просматривая работы В.А. Елшенкова, пожалуй, можно оценить это иначе. Отдельные мастера-игрушечники, видимо, были в Гороховецком районе всегда, так что традиция поддерживалась, а сейчас она неожиданно начинает возрождаться.

Деревянная скульптура-игрушка В.А. Елшенкова «Цапли», Гороховец. 1990-е годы

Виктор Алексеевич Елшенков делает и отдельные фигурки, и целые скульптурные композиции, скульптурные группы. В основном он варьирует анималистическую тематику и любит изображать птиц. Это так называемые куры, которые похожи у него на райских птиц, кроме того, красивые длинноногие журавли и цапли, утки, голуби, маленькие певчие птички. Традиционные мотивы русского фольклора также привлекают его внимание. В качестве примера можно привести рельефную композицию «Лиса и журавль», где он проявляет себя и как живописец. Он не только раскрашивает созданные фигурки, но и вводит пейзажный сказочный фон, делающий все построение в целом очень декоративным. Открытый мазок, активное применение пробелов-«оживок» свидетельствуют о владении приемами старинной народной росписи, которой так славится Нижегородская земля.

В современной жизни Виктора Алексеевича больше привлекают жанровые мотивы. Это гротескные фигурки рыбаков, охотников, туристов, которые всегда представлены за своим занятием. Примечательно, что многие резные фигурки у него составные, как у традиционных народных мастеров (в деревянной игрушке, в «ветряках» и куклах-марионетках народного театра, аналогии которым мы находим в разных музейных коллекциях, прежде всего — в Сергиевом Посаде). Многие детали даются мастером в свободном крепеже, поэтому фигурки приобретают подвижность, особую занимательность (руки человеческих фигурок, крылья птиц, которые поднимаются и опускаются, поворачивающиеся головки птиц).

⁵ Скворцов А.И. Гороховецкая игрушка // Декоративное искусство СССР. 1974. № 8. С. 50—51; Андреев Н.И., Скворцов А.И. Гороховец. Ярославль, 1988. С. 102—105.

Чаша работы Е. Лисенко, тонированное дерево, д. Крутово. 1990-е годы

Елшенков всегда использует яркую, контрастную раскраску своих изделий, выразительность природных материалов, служащих дополнением его скульптурных изображений («обыгрывает» сучки, веточки, коряжки, пеньки). Все это усиливает фактурность его образов, их декоративность. Изображения мастера выявляют его огромную любовь к природе, способность увидеть и почувствовать мотив в простых непритязательных формах окружающего ми-

ра, который раскрывается для него во время прогулок по лесу или берегу реки. В этом смысле он выступает как «наивный художник». Он оригинально мыслит, фантазируя, сопоставляя и развивая свои темы и образы, несколько отрываясь от коллективного по характеру, традиционного народного творчества. Это типичное явление для наших дней, когда народный художник работает на грани традиционного и индивидуального, фольклорного и авторского в искусстве.

Среди современных гороховецких резчиков есть и такие, которые получили специальное художественное образование. Они владеют всеми техниками деревянной резьбы и используют свои знания при исполнении всевозможных заказов, в частности при оформлении интерьеров. В Гороховце это Владимир Юрьевич Городничев, который закончил Абрамцевское художественное училище, в самом районе — молодой мастер Евгений Лисенко, живущий в деревне Крутово (он закончил художественное училище в городе Коврове). Оба мастера делают и разнообразные предметы для дома (киоты, портретные рамки, разделочные доски), и сувениры (ковши и чаши по старым образцам, древнерусским и более поздним). Особенно интересны чаши у Е. Лисенко. Они оригинальны по форме и очень красивы в материале. Лисенко делает еще и деревянную скульптуру. Здесь в полной мере проявляются его умение, вкус и декоративное чутье. Показанная нам фигура кабана удивила всех пластической разработанностью, тщательностью исполнения. Это настоящее художественное произведение, интересный анималистический образ.

Недавно умерший В.Ю. Городничев был известен в Гороховце как исполнитель рельефного цикла на тему Страстей Господних для престола в храме Никольского монастыря. Он же вырезал и герб города. Эта его работа была отмечена особо, так как представляла лицо всего края. Поле герба разделено на два равнозначных регистра, в которых вписаны: фигурка коронованного льва, опирающегося на крест (символ власти, укрепленной верой) — в верхней части доски и переплетающиеся стебли гороха — в нижней (знак плодородия и богатства этой земли). Красив материал, светлое дерево березы, поражает четкость самого изображения, выполненного в традиционной для этих мест технике глухой резьбы. Все свидетельствует о высоком мастерстве.

Среди народных мастеров-самоучек особое место занимает Василий Яковлевич Маслов. Он тоже живет в самом Гороховце. Ему 72 года, но он полон творческой энергии и много работает. Окружающих удивляет и своим мастерством, и изобретательностью.

Делает красивые вещи (ларцы, коробочки, оклады для икон, кресты) из отходов, из того, что считается мусором. Использует деревянные панели старых телевизоров, элементы проводки, пластиковые детали. Наиболее удачны его ларцы, повторяющие старинные формы теремка, стульчика. Подбирая материалы по фактуре, применяя раковины, цветные стеклышки, перламутровые и цветные пуговицы, бусины и бисер, он добивается очень выразительных и вовсе не китчевых решений.

* * *

На протяжении всего XIX в. и даже в начале века XX (не говоря уже о более раннем времени) в Гороховецком крае из дерева делались многие предметы крестьянского быта. Образцы их в большом количестве представлены не только в экспозиции Гороховецкого музея и музея в селе Фоминки, но и в старых домах района.

Остановимся на тех предметах, которые имели повседневное использование. Начнем с утвари, предназначенной для хранения и ношения воды, и утвари, употреблявшейся при мытье и стирке белья. Воду часто носили, как и в древние времена, в деревянных ведерках и бадейках на крутом коромысле. А хранили ее в высоких деревянных кадках. В таких же кадках, больших и маленьких, хозяйки солили грибы и огурцы, квасили капусту, мочили яблоки, бруснику и клюкву. Коромысла делали дужники. Все остальное из названных предметов — местные бондари, которые работали в крупных селах и деревнях и торговали своей продукцией на местных ярмарках и базарах. Мылись и стирали белье обычно в деревянных корытах, сделанных из цельного ствола; они были с округлым дном и невысоким бортиком. В таких же точно корытах готовили и пищу для скота. Рукомойники в избах тоже могли быть бондарные, они сохра-

Ларец и инкрустированная коробочка работы В.Я. Маслова, Гороховец. 1990-е годы

нялись, даже когда в употребление вошли металлические, медные или чугунные, которые привозили из разных мест, например с Урала (из Нижнего Тагила). Как и везде, при полоскании белья здесь применяли деревянные вальки из липы или березы, а гладили его, пользуясь скалками и рубелями.

Для хранения одежды, белья, продуктов в этих местах использовали берестяные и лубяные короба; они могли быть большого и малого размера (особенно заплечные). Иногда короба украшались росписью, чаще всего в городецкой свободно-кистевой манере. Пример такого лубяного короба с полустершейся росписью травным узором мы видели в музее села Фоминки. Маленький берестяной короб с крышкой нам показывали в Гороховецком музее, а крупный берестяной короб для одежды — в одном из домов села Гришино. В прежнее время такие короба встречались часто, особенно в зажиточных избах.

Более надежным местом для хранения одежды был деревянный сундук, он же мог служить и предметом мебели. На сундуках, покрытых домотканой пестрядью или грубым сукном, любили сидеть, как на лавках или деревянных диванах. В этих местах встречаются и старинные деревянные крашенные павловские сундуки, обитые железом, приобретенные на знаменитых Макарьевской и Нижегородской ярмарках, и сундуки местной работы. В одном из частных домов в деревне Реброво мы видели типичный павловский темно-зеленый сундук, окованный металлом, оформлен в традиционной манере, со штампованным орнаментом в виде точечных розеток в крупных квадратах.

Безусловный художественный интерес представляет другой памятник — деревянный сундук, обнаруженный в деревне Рождествено. Он не совсем обычен по форме, потому что напоминает предметы XVII—XVIII вв., кроме того, отличительной его особенностью является использование крупной корабельной резьбы. Она украшает его широким растительным фризом. Точно такие же фризы мы находим и на старинных гороховецких домах (в городе и районе). Образцы подобной резьбы с близкими по характеру растительными мотивами, как уже говорилось, можно увидеть и в экспозиции Гороховецкого музея. Они относятся, в основном, ко второй половине XIX в. Сундук из Рождествена, видимо, датируется тем же временем. Очень выразительны рельефные розетки в его фризе, хотя они даются довольно обобщенно, почти как в архитектурных деталях. Каждый цветок на стенке сундука вписан в четко вычерченный круг, образованный изогнутым стеблем с листьями. Повторяющиеся крупные элементы создают строгий ритмический ряд, подчеркивающий конструкцию вещи. Встречаются в этих местах и переносные деревянные сундучки с ручкой. Они в еще большей мере близки по форме предметам XVII—XVIII вв. Для Гороховца, где пласт древнерусской культуры был велик, эта связь с традициями прошлого кажется особенно органичной. Именно такой дорожный сундучок с ручкой, предназначенный для документов и ценностей, хранится в деревне Рождествено, причем в том же доме, что и сундук с корабельной резьбой. Возможно, изготовление таких сундуков и сундучков связано с одной и той же артелью резчиков, которая поставляла свой товар на местный рынок. Может быть, эти мастера занимались параллельно и домовой резьбой, украшавшей постройку снаружи.

Для хранения продуктов в Гороховецком крае постоянно использовались не только вместительные берестяные короба, но и небольшие туеса. Их применяли для хранения ягод, соли, молочных продуктов. Туеса часто украшались штампованным орнаментом или росписью, о чем уже упоминалось выше. Они были и местного происхождения, и привозные из северных губерний, особенно славившихся их производством.

Из дерева делались и предметы, необходимые в застолье, и те, что использовались издавна для приготовления пищи. Это разделочные доски разной величины, скалки для раскатывания теста, легкие деревянные ухваты (пример — деревянный ухват в музее

села Фоминки), ступы с пестиками токарной работы (одна из таких ступ есть в коллекции Гороховецкого музея). В старину использовались деревянные миски, поставцы и блюда, солонки в виде стульчика и, конечно, ложки и черпаки. В одном из частных домов в селе Фоминки мы видели деревянное блюдо и старую расписную хохломскую ложку (она может относиться к 20—30-м годам XX в.). Сохранились также пряничные доски с фигурными изображениями (Гороховецкий музей). Они использовались для обрядового печенья, например на свадьбах (так называемые пряники-«разгони»).

Из дерева были сделаны многие предметы, использовавшиеся при мужском крестьянском труде (дуги, оглобли, телеги, сани, бороны), и традиционные орудия женского труда (веретена, прялки, ткацкие станы). Привлекают внимание местные и привозные (городецкие) гребневые прялки. Замечательны не только художественно оформленные, инкрустированные или расписные широкие донца этих прялок, которые по окончании работы пряжа могла повесить на стену своего дома как картину, но и сами гребни, с тонкими длинными зубьями, виртуозно выточенными мастерами-гребенщиками из мягких пород дерева (клена или березы). Интересны и точеные стройные стояки этих гребней, вставлявшиеся в трехгранное гнездо донца, и сами веретена. Иногда веретена тоже оказываются произведениями народного искусства. Размер этих предметов совсем невелик, а назначение сугубо функционально. Тем не менее они могут быть очень изящны. Наборные, из многих составных частей, с инкрустациями и раскраской, некоторые веретена становились нарядной и забавной вещицей, радовавшей глаз пряжи. Городецкие по происхождению донца с традиционной для этого центра росписью (из Дома народного творчества в Гороховце и музея в селе Фоминки) и городецкий мочесник (тоже из музея в селе Фоминки) свидетельствуют о тесных связях района с Нижегородской землей.

Исключительной тонкостью исполнения отличались большие деревянные ткацкие станы, которые в прежние времена дорого ценились. Изредка они и теперь встречаются в гороховецких селах, так же как и ножные веретена-самопрялки. Самопрялки мы видели во многих местах: в селе Чулково, в деревнях Баландино и Арефино (в доме Марины Николаевны Каюковой, 1963 г. р.). Самопрялки и ткацкие станы, фиксированные нами, датируются, в основном, концом XIX — началом XX в. Может быть, к более раннему времени, ко второй половине XIX в., относится только ткацкий стан, выставленный в музее села Фоминки, и уникальный стан прекрасной сохранности в селе Чулково (в доме Анны Ивановны Ганн, 1918 г. р.). Уникальность этого стана не только в высоком уровне его исполнения, но и в оформлении. Крупные его детали покрыты миниатюрной глухой орнаментальной резьбой растительного характера, напоминающей прочие гороховецкие памятники с фризами, выполненными в этой технике.

В наши дни, разумеется, нет потребности в таком широком ассортименте изделий деревянной утвари, как прежде, однако деревообрабатывающие ремесла в Гороховецком крае продолжают существовать: выполняются и токарные, и бондарные работы, создаются резные изделия, изделия из луба и бересты, которые используются в быту. Как и раньше, в хозяйстве необходимы кадки и бадейки, корытца для рубки капусты и кормления птицы, разделочные доски, скалки, поставцы, ложки, черпаки и солонки. Деревянные тарелки, чаши и ковши местного мастера продолжают делать, но они, как уже отмечалось, имеют в основном не функциональное, а декоративное, сувенирное значение. Этой же особенностью отличаются изделия из луба и бересты. Лубяные хлебницы еще изготавливаются и встречаются в домах, но берестяные изделия крупных форм уже не создаются. Бытующие туеса, по существу, давно не применяются для хранения продуктов. В основном они используются как декоративное убранство в интерьере.

Наиболее популярным, повсеместно распространенным видом ремесла в Гороховце и районе в наше время, пожалуй, остается плетение (преимущественно из лозы, т.е. из ивовых прутьев), в котором непосредственным образом продолжают древние местные традиции. Мастеров лозоплетения много, они вполне удовлетворяют все потребности местных жителей в корзинах разного рода, от очень больших, предназначенных для овощей, до самых маленьких — для ягод. Крупные корзины имеют удлиненную округлую форму с широким краем и горизонтальные ручки с двух сторон. Их назначение требует устойчивости и прочности, поэтому дно таких корзин делается очень плотным. Стенки имеют более свободное, но тоже прочное плетение. Их наращивают по кругу из толстых ивовых прутьев, плетут очень надежно, хорошо скрепляя с днищем, чтобы под тяжестью оно не отпало или не прохудилось. Грибные корзины имеют здесь, как и в других областях России, несколько разновидностей. Их делают круглыми и овальными, высокими и низкими, но всегда с одной дугообразной ручкой. Такие корзины могут служить и для переноса овощей, но они не рассчитаны на большую нагрузку. Плетут их, плотно укладывая гибкие прутья. Корзинки для ягод меньше грибных по размерам, но напоминают их по форме. Их плетут из очень тонких прутьев и предпочитают овальные формы, более удобные для сбора ягод. В малых формах используются самые разнообразные рисунки плетения, что делает эти предметы нарядными, декоративными.

В гороховецких селах многие мужчины, старые и молодые, занимаются плетением и делают это с большим мастерством. Славятся корзины из деревень Юрово, Ивачево, Рождествено, Выезд, Морозовка. В деревне Выезд, например, работает известный здесь мастер Михаил Антонович Щербаков (1913 г. р.). Он делает очень красивые, крепкие и разнообразные по форме корзины, большие и маленькие, используя при этом старые образцы. Четкое, аккуратное плетение, владение разными его рисунками и техниками свидетельствуют не только о прекрасной выучке, но и о художественном вкусе. То же можно сказать и о другом гороховецком мастере — Сергее Михайловиче Дружкове, который живет и работает в деревне Морозовка. Его продукция тоже очень разнообразна, так как он использует лучшие старинные образцы. Еще один интересный мастер — Борис Васильевич Забелин, прежде шофер, теперь пенсионер, живущий в деревне Быкасово. Он прекрасно плетет корзины, лапти, делает прочные веревки. Свитые им толстые веревки отличаются такой крепостью, что с их помощью вытаскивали не то что легковую машину — застрявший трактор. Плести веревки его научили дед и бабушка, которые занимались этим ремеслом, так что его можно считать потомственным мастером. Деревня Быкасово издавна славилась плетением лаптей, этим жили здесь многие. В доме ближайшего соседа Бориса Васильевича нам удалось увидеть весь комплект предметов, позволяющий представить себе процесс их изготовления: деревянные колодки разного размера, кочедык и клубки лыка.

В Быкасове всегда были большие стада, и поэтому здесь развито пастушество. Борис Васильевич и местные пастухи показали нам в действии здешние деревянные пастушьи музыкальные инструменты (гудки и так называемые барабанки). В этнографическом отношении это чрезвычайно ценный материал.

В гороховецком Доме народного творчества много делают в наши дни для популяризации деревообрабатывающих ремесел и плетения. Здесь увлекаются, в основном, узорным, декоративным плетением, но осваивают параллельно все техники и формы. Народные художники делают и высокие красивые напольные вазы, и большие панно, ажурные блюда и подставки, мелкие сувенирные корзиночки. Занимаются даже корешковым плетением (плетением из корня березы и сосны). Такое плетение, распространенное в здешних местах на рубеже XIX—XX вв., высоко ценилось прежде. В наши дни оно почти исчезло (и материал труднодоступен, и процесс слишком трудоемок).

Прекрасные памятники корешкового плетения (так называемые корноватки) демонстрируются теперь только в экспозициях музеев. Важно отметить особое значение этих экспозиций в деле возрождения местных ремесел. Изучение лучших образцов древних традиционных промыслов, бытовавших в этом районе, может помочь в практической деятельности народных художников.

Гороховецкая деревянная резьба, которой так славился этот край, конечно, имела определенную связь с еще одним видом народного искусства, некогда весьма развитым здесь. Речь идет о резьбе по камню, о белокаменной резьбе, которая так выразительна в памятниках древнерусского искусства: и в гороховецких храмах на территории монастырей, и в палатах XVII в. (лучшие из них — палаты Ершовых—Сапожниковых, Опарина, Ширяевых)⁶. Местные мастера работали и самостоятельно, и вместе с приглашенными, владимирскими и нижегородскими. Они, конечно, оставили свой след в образном решении всех памятников. Известно, что белокаменная резьба в древности испытала влияние деревянной и наоборот.

На рубеже XIX и XX вв. белокаменная резьба снова нашла применение в постройках так называемого русского стиля, и это отразилось в некоторых сооружениях Гороховца, в зданиях из красного кирпича с деталями из белого камня (торговые ряды, больница, гимназия, телеграф). Продолжал использоваться белый известняк и в гороховецких надгробиях разного типа, которые мы находим на здешних погостах. Однако уже в начале XX в. становится очевидно, что ремесло камнерезов вряд ли сможет подняться на прежнюю высоту: начиналась новая эпоха в архитектуре.

Еще одно ремесло, оставшееся для Гороховца в прошлом, — это гончарство. Когда это искусство было здесь очень развито. Об этом свидетельствуют разные данные: множество памятников искусства и сохранившиеся письменные предписания местным гончарам. Наверное, при таком налаженном производстве изразцов (а применялись они при кладке местных монастырских печей и печей в богатых домах) можно предположить и существование разнообразной бытовой керамики и глиняной игрушки, которая всегда была тесно связана с гончарством. Керамические старые изделия есть в музее Гороховца и в частных домах, но остается до сих пор неясно, какова доля участия в их изготовлении именно гороховецких мастеров, потому что керамические изделия привозились сюда с разных ярмарок. Преобладает красноглиняная керамика среднерусской обычной типологии, а она была распространена очень широко.

Второй областью после деревообработки, в которой так ярко и интересно проявили себя гороховецкие мастера, была металлообработка. Тесные связи богатых посадских людей, местных купцов с осваиваемыми в то время территориями Урала и Сибири, с быстро развивавшимся металлургическим производством этих районов не могли не отразиться на жизни города. Судостроительное дело и металлообработка с XVII в. занимают в Гороховце ведущее положение, обеспечивая преуспевание и в других ремеслах. Не будь судостроительства, не было бы здесь и знаменитой гороховецкой корабельной резьбы. Не будь судостроительства, металлопроизводства, металлообработки и торговли, невозможно было бы здесь и широко развернувшееся строительство, оставившее внушительное число архитектурных памятников.

Именно с XVII в. Гороховец славится своими литейщиками, кузнецами, котельщиками, жестянщиками. В здешних мастерских делали медные котлы и утварь, церковную и светскую, отливали колокола, ковали чугунные решетки, выполняли все-

⁶ *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969. С. 81—140; *Тиц А.А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966; *Тиц А.А.* Каменные жилые дома XVII — нач. XVIII века в Гороховце // Памятники культуры. Вып. 4. М.:Л., 1963. С. 44—55; *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988. С. 48—96.

возможные накладки из металла, простые и фигурные, украшавшие деревянные изделия. Экспозиция Гороховецкого музея в палатах Ершовых воспроизводит интерьер богатого жилища того времени. Предметов из металла очень много. Это ендовы и братины, обитые железом сундуки и подголовники, кованые светцы и решетки на окнах, замки и фигурные жиковины на дверях. Все эти предметы дают представление о высоком уровне гороховецких металлообрабатывающих ремесел.

Уникальным памятником вне музейной экспозиции являются западные двери Благовещенского собора, находящегося в самом центре города. Как и храм, они относятся к концу XVII — началу XVIII в. Створки дверей кованые, с просечными узорными накладками. Ажурный их узор выделяется на фоне слюдяной красной и синей подложки, укрепленной на берестяной основе. В сходной технике, с использованием слюдяной подложки под ажурный берестяной узор делались в то время и дорогие туеса, однако там мастера имели дело с мягкой корой, а здесь — с металлом. Ажурные накладные пластины из просечного железа украшают и большой подголовник — высокохудожественный памятник, характерный для этого времени.

В жилой архитектуре XVII—XVIII вв. в основном использовались кованые металлические детали, просечной металл применялся преимущественно в церковных сооружениях. Широкое использование просечного металла в жилой архитектуре начинается только с середины XIX в. В это время заметно увеличивается производство кровельного железа, и цена его становится более доступной, в связи с чем меняется характер покрытия кровли городских и богатых сельских домов. Кровельное железо, более прочное и красивое, приходит на смену тесовым кровлям. Увеличивается и число украшений из просечного железа. Поначалу они испытывают явное влияние со стороны деревянной пропильной резьбы. Эти искусства и в самом деле очень близки, однако пути их со временем расходятся. Дело не только в специфике самих материалов, но и

Дымники из просечного железа работы Г.А. Тихонова, Гороховец. 1960-е годы

в функциональных задачах. Простые и строгие украшения фронтоных гребней, печных труб («дымников»), водосточных труб, характерные для более раннего периода, с течением времени вытесняются более сложными и модными в рисунке. К концу XIX — началу XX в. это не просто сложные композиции из многих растительных и геометрических мотивов с включением фигурных изображений, это целые комплексы, связывающие в единое целое все части декора: и в просечном, и в кованном металле, в пропиленной и рельефной деревянной резьбе. Парапеты, фронтоные гребни, флюгеры, решетки, зонты-навесы, дымники и водостоки — всё это хорошо сочетается и составляет интересное художественное целое⁷. Богатые гороховецкие дома, построенные в стиле модерн, модном на рубеже XIX и XX вв. не только в столицах, но и в губернских, уездных городах России, могут быть хорошим примером. Таких домов в Гороховце много: прежде всего, известный дом начальника земской управы, дом Кучина, дом Поляковых-Шугуровых, дом Шориных. Над их украшением работали лучшие местные мастера⁸.

Украшением более скромных домов могли быть только дымники и наверхия водостоков, изредка — еще и флюгеры. Среди этих предметов народного ремесла есть подлинные произведения настоящего искусства. Просечные узорные дымники возвышаются над трубами десятков гороховецких домов, без них трудно представить себе картину этого города. Встречаются разные фасоны и типы: и в виде красивой беседки с причудливой кровлей, и в виде вазона, который кажется фантастическим, сказочным сооружением. Мы даже знаем имя одного гороховецкого мастера, который в течение нескольких десятков лет делал на заказ такие металлические диковины, постоянно варьируя на разные лады их традиционные элементы. Его дымники и сейчас вызывают удивление не только горожан, но и заезжих художников из крупных городов. Это Геннадий Александрович Тихонов. Родился он под Нижним Новгородом в 1929 г. С малолетства пристрастился к работе с металлом, потому что этим занимались его дед и отец. Опыт у него огромный и фантазии хоть отбавляй. Работы его всегда ценились, и недостатка в заказах не было. А знали его не только в Гороховце. Геннадий Александрович был участником Всероссийской выставки «Металл и кружево», проходившей в 70-е годы. Он получил почетный диплом за свои работы, диплом Союза художников РСФСР.

На котельном заводе Шорина, который потом был переименован в Судостроительный завод, уже в XIX в. строили металлические баржи для наливных грузов, большие морские баржи, пароходы, изготавливали металлические конструкции шлюзов, котлы и многое другое. Артели гороховецких котельщиков, заходившие далеко на юг, работали даже в Баку и других городах Кавказа и Закавказья. Они собирали опоры для нефтяных вышек, маяков, водонапорных башен, акведуков и мостов. В XX в. фронт этих работ был достаточно широк⁹.

Народные умельцы в области металлообработки не перевелись в этих краях до сих пор. Здесь по-прежнему делают решетки, флюгеры, украшения водосточных труб, ажурные кресты и ограды для кладбищ. В наши дни традиционные для этих мест ремесла, связанные с работой в металле, может быть, еще недостаточно востребованы, но для города и сельских мест они будут важны в дальнейшем, особенно если учесть планы по благоустройству и реконструкции города, намеченные гороховецкими архитекторами.

⁷ Андреев Н.И., Скворцов А.И. Гороховец. Ярославль, 1988. С. 105—108; *Рождественская С.Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981. С. 96—127.

⁸ Андреев Н.И., Скворцов А.И. Гороховец. Ярославль, 1988. С. 91—95.

⁹ Там же. С. 105—108.